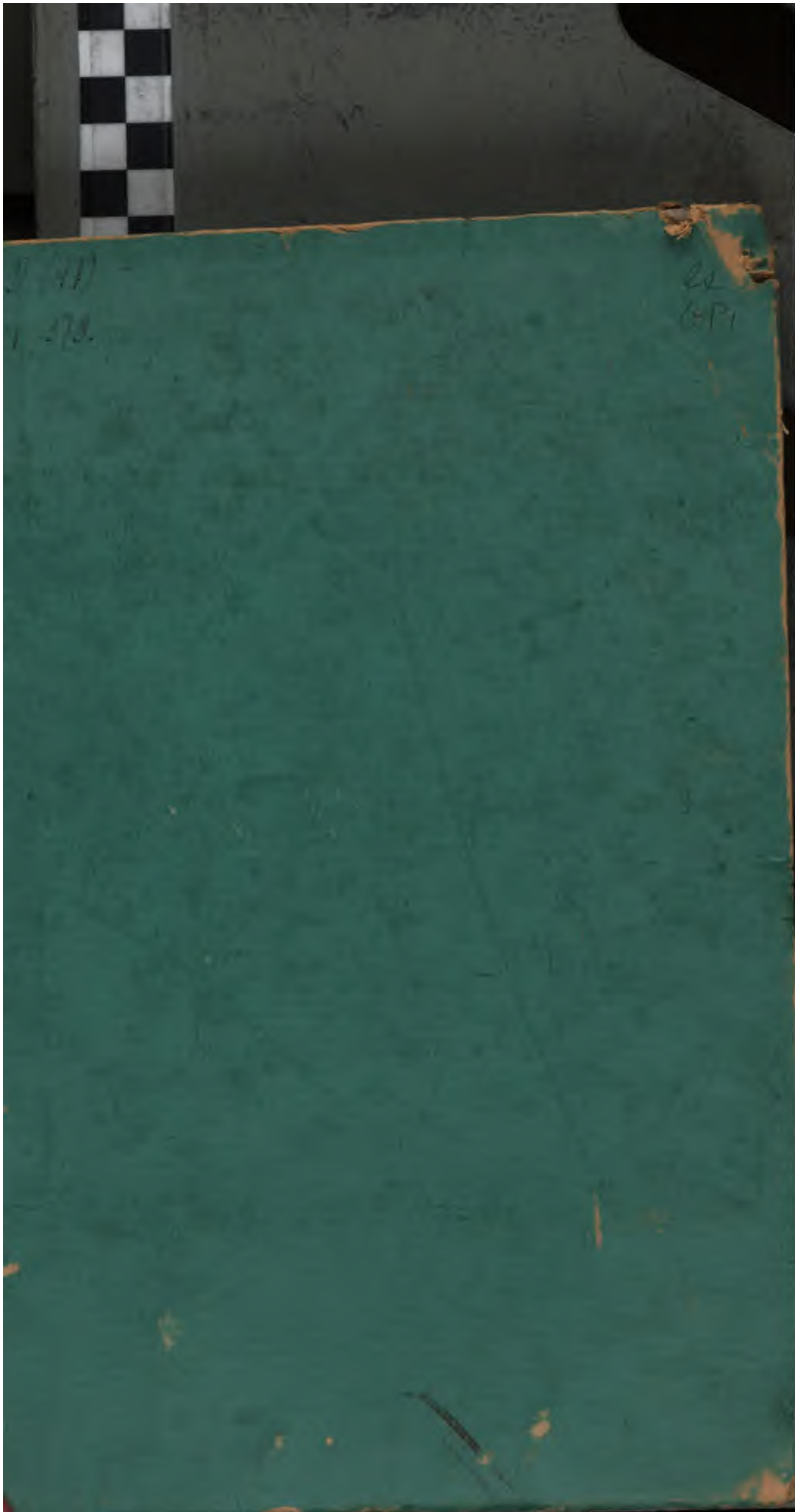

КНЯЗЬ АЛЕКСѢЙ БОРИСОВИЧЪ

ЛОБАНОВЪ-РОСТОВСКІЙ

Того-же автора:

Цѣна.

Матеріалы для статистики Болгаріи, Ѳракіи и Македоніи, съ картою. СПБ. 1877 . . . . 5 р.

Адріанополь (изъ воспоминаній путешественника). СПБ. 1877 . . . . 2 „

Греко-болгарскій церковный вопросъ по неизданнымъ источникамъ. Историческое изслѣдованіе, Императорскою Академіею Наукъ удостоенное Уваровскаго почетнаго отзыва. СПБ. 1889 . . . . 3 „

Представители иностранныхъ державъ въ прежнемъ Константинополѣ. Историческій очеркъ. СПБ. 1890 . . . . 1 р. 50 к.

Русскіе представители въ Царьградѣ. Историческій очеркъ, съ двумя геліогравюрами. СПБ. 1891 . . . . 2 р.

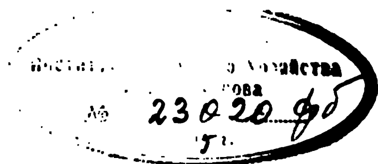
Графъ Іоаннъ Каподистрія, президентъ Греціи, съ двумя геліогравюрами. Историческій очеркъ, Императорскою Академіею Наукъ удостоенный Уваровскаго почетнаго отзыва. СПБ. 1893 2 „

Смутное время и дворцовый переворотъ въ Константинополѣ, съ 24 видами и портретами. СПБ. 1897 . . . . 1 „

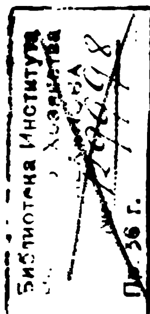
В. Тепловъ

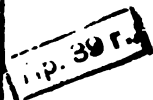
Князь Алексѣй Борисовичъ Лобановъ-Ростовскій

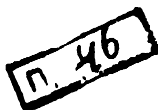

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПОРТРЕТА И ВИДА РОДОВАГО ДОМА ВЪ МОСКВѢ, ИСПОЛНЕННЫХЪ ГЕЛІОГРАВЮРОЙ

№ 142

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1897

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 11 Марта 1897 г.

Типографія А. Бенке, Новый переулокъ 2.

I.

Quod potui feci, faciant meliora potentes.

Столь внезапно сошедшій въ могилу, министръ иностранныхъ дѣлъ, статсъ-секретарь князь Алексѣй Борисовичъ Лобановъ-Ростовскій происходилъ изъ рода удѣльныхъ князей Ростовскихъ [1]), первымъ изъ которыхъ былъ Василько, сынъ Владимірскаго великаго князя Константина Всеволодовича (1185—1219). Потомокъ князя Василька, въ восьмомъ колѣнѣ, князь Иванъ Александровичъ Ростовскій, носилъ прозвище *Лобана* и былъ родоначальникомъ князей Лобановыхъ-Ростовскихъ. Праправнукъ его, князь Иванъ Ивановичъ (по прозванію *Козій Рогъ),* подписался на грамотѣ объ избраніи Михаила Θеодо-

[1]) Великіе и удѣльные князья Сѣверной Руси, Экземплярскаго, II, стр. 15—61, и Родословный Сборникъ, Руммеля, I, стр. 552 и слѣд.

ровича на царство. Старшій его сынъ, тоже князь Иванъ Ивановичъ, былъ бояриномъ, а внукъ, князь Яковъ Ивановичъ († 23 Мая 1732 г.), комнатнымъ стольникомъ царей Θедора, Іоанна и Петра Алексѣевичей, а впослѣдствіи, маіоромъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка.

Этотъ князь Яковъ Ивановичъ, въ первой четверти XVIII вѣка, оставался почти единственнымъ представителемъ рода князей Лобановыхъ-Ростовскихъ. Онъ былъ женатъ два раза и имѣлъ 28 дѣтей: отъ перваго брака 9 сыновей и 6 дочерей, отъ втораго 5 сыновей и 8 дочерей[1]). Третій сынъ его, Иванъ, служившій во флотѣ, былъ женатъ на княжнѣ Куракиной и имѣлъ отъ нея сына, князя Александра (1764—1830), дослужившагося до чина генералъ-маіора и отъ брака своего на Масловой имѣвшаго трехъ сыновей и пять дочерей. Младшимъ его сыномъ былъ князь Борисъ Александровичъ (1795—1863), служившій въ Москвѣ и бывшій камергеромъ и дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ. Жена его, Олимпіада Михайловна, изъ незнатнаго рода Воронежскаго дворянства, была единственною дочерью губернскаго секретаря Михаила Тимофѣевича Бородина.

---

[1]) «Такого плодородія отъ одного человѣка нѣтъ болѣе примѣра въ исторіи благородныхъ фамилій Русскихъ» (Исторія родовъ Русскаго дворянства, Петрова, стр. 105).

У князя Бориса Александровича были одна дочь и пять сыновей, изъ которыхъ четвертымъ былъ Алексѣй Борисовичъ, будущій министръ. Онъ родился 18-го Декабря 1824 г. въ Воронежской губерніи, въ имѣніи своей матери. Дѣтство его прошло въ Москвѣ, гдѣ у его родителей былъ собственный домъ на Собачьей площадкѣ (купленный у г-жи Веригиной), нынѣ принадлежащій М. А. Хомяковой; тамъ, въ верхнемъ этажѣ флигеля (лѣваго, если стать предъ домомъ) помѣщался онъ съ Французомъ—гувернеромъ Деманжó (m-r Demangeot), съ малолѣтства привившимъ ему ту симпатію къ Франціи, которою онъ отличался впослѣдствіи.

Юные годы, проведенные княземъ Лобановымъ въ Москвѣ, подѣйствовали и въ другомъ отношеніи на послѣдующія его склонности.

Въ то время Москва была еще любимымъ мѣстопребываніемъ сановниковъ на покоѣ. Многіе изъ нихъ принимали непосредственное участіе или, по крайней мѣрѣ, были близки къ главнѣйшимъ дѣятелямъ XVIII вѣка, столь наполненнаго различными драматическими событіями. Разсказы этихъ вельможныхъ старцевъ, изъ которыхъ большинство было въ родствѣ съ княземъ Лобановымъ, о различныхъ пережитыхъ ими эпизодахъ Русской исторіи, слышанные постоянно въ отчемъ домѣ, съ малыхъ лѣтъ пріучили князя Алек-

сѣя Борисовича къ мыслямъ о старинѣ, возбудили въ немъ интересъ къ «дѣламъ давно минувшихъ дней». Пребываніе же его въ тѣ годы, когда умъ отличается наибольшею впечатлительностью, въ Москвѣ съ ея памятниками сѣдой древности, съ ея истинно-русскимъ духомъ, навѣяло на него страсть къ нашему историческому прошлому, заложило въ немъ прочное основаніе сознательной любви къ своему отечеству. Онъ гордился быть Русскимъ, и это чувство нисколько не ослабѣло въ немъ потомъ, ни подъ вліяніемъ широкой Европейской образованности, ни отъ долговременнаго пребыванія въ чужихъ краяхъ. До склона дней своихъ остался князь Лобановъ вѣренъ Русскому духу, его проникавшему, и вся его дѣятельность, научная и политическая, носила истинно-народный характеръ.

Князь Алексѣй Борисовичъ былъ изъ тѣхъ Русскихъ, горячо любящихъ свою родину, которые отдаютъ себѣ ясный отчетъ въ томъ, что такое представляетъ собою стодвадцатимилліонный народъ, изъ котораго 80 милліоновъ одного происхожденія, одного языка и одной вѣры, управляемый единою самодержавною волею, не говоря уже о другихъ преимуществахъ даровитаго Русскаго народа: нашей свѣжести, нашей культурно-государственной цѣльности, богатаго запаса едва початыхъ силъ, развитіе которыхъ сулитъ Россіи великую будущность.

Четырнадцати лѣтъ отъ роду князь Алексѣй Борисовичъ поступилъ въ Царскосельскій (нынѣ Императорскій Александровскій) Лицей, гдѣ кончилъ курсъ въ 1844 г. (XIII выпускъ), со второю золотою медалью (первую получилъ Петръ Сергѣевичъ Бибиковъ). Товарищемъ его по выпуску былъ, между прочимъ, извѣстный писатель М. Е. Салтыковъ (Щедринъ).

12-го Декабря 1844 г. князь Лобановъ поступилъ на службу по Министерству Иностранныхъ Дѣлъ, сначала въ департаментъ хозяйственныхъ и счетныхъ дѣлъ, а вскорѣ затѣмъ былъ переведенъ въ канцелярію министерства. Исключительно служебная дѣятельность на первыхъ ступеняхъ іерархической лѣстницы не могла удовлетворить любознательнаго юношу. Жажда знаній влекла его къ старинѣ и онъ задумалъ въ то время изучить древне-Еврейскій языкъ. Покойный любилъ разсказывать, съ какимъ удивленіемъ выслушалъ его тогдашній знатокъ этого языка, протоіерей Павскій, когда онъ, дотолѣ ему совершенно незнакомый, подошелъ къ нему въ полуосвѣщенномъ соборѣ, послѣ всенощной, и изложилъ просьбу, — такъ необычайно звучавшую въ устахъ элегантнаго, свѣтскаго, молодаго человѣка, — давать ему уроки древне-Еврейскаго языка. Съ жаромъ принялся князь за дѣло и овладѣлъ языкомъ настолько, чтобы переводить пророчества Исаіи; но уроки были прерваны

отъѣздомъ его за границу: князь былъ посланъ въ 1847 году исправлять должность секретаря посольства въ Парижѣ, что̀ позволило ему сдѣлаться свидѣтелемъ паденія Орлеанской монархіи. Въ 1850 г. князь былъ переведенъ въ нашу миссію въ Берлинѣ, гдѣ былъ сперва младшимъ, а менѣе чѣмъ черезъ годъ старшимъ секретаремъ. Здѣсь онъ работалъ подъ руководствомъ барона А. Ѳ. Будберга. Объ этомъ времени покойный сохранилъ самыя свѣтлыя воспоминанія; съ начальникомъ же у него установились отношенія, исполненныя сердечной дружбы, неизмѣнно существовавшія до самой кончины барона Будберга.

Въ Берлинѣ у князя развилась библіоманія, и онъ началъ собирать иностранныя сочиненія касающіяся Россіи.

Выдающіяся способности молодого дипломата были замѣчены, и объ немъ составилось столь выгодное мнѣніе, что когда послѣ Крымской кампаніи въ 1856 г. стали обнаруживаться признаки желанія императора Наполеона примириться съ Россіею, князь Алексѣй Борисовичъ былъ посланъ съ секретнымъ порученіемъ въ Парижъ, куда онъ пріѣхалъ подъ именемъ мѣщанина Рубинштейна, и вмѣстѣ съ Саксонскимъ графомъ Зеебахомъ велъ тайные предварительные переговоры о мирѣ, чѣмъ подготовилъ почву къ окончательному соглашенію.

По возстановленіи сношеній съ Турціей, князь Лобановъ былъ назначенъ совѣтникомъ миссіи нашей въ Константинополѣ; по отъѣздѣ же въ Россію нашего посланника А. П. Бутенева, сначала временно замѣнялъ его въ качествѣ повѣреннаго въ дѣлахъ, а 10-го Іюня 1859 г. былъ назначенъ нашимъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при Портѣ Оттоманской. Ему было тогда лишь 35 лѣтъ, и въ лѣтописяхъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, за нынѣшнее столѣтіе, еще не бывало записано посланника, имѣвшаго столь юный возрастъ.

Князь Лобановъ блистательно оправдалъ возлагавшіяся на него надежды, съ неизмѣннымъ успѣхомъ содѣйствуя къ разрѣшенію различнаго рода возникавшихъ тогда сложныхъ политическихъ вопросовъ. За время его управленія миссіею произошли: возстаніе Друзовъ, рѣзня христіанъ въ Сиріи и война съ Черногоріей. Энергическимъ образомъ дѣйствій ему удалось спасти Черногорію отъ окончательнаго разгрома Омеромъ-пашею; благодаря же дружественнымъ отношеніямъ съ Французскимъ его сотоварищемъ, Тувенелемъ, могли быть совмѣстно выработаны и примѣнены рѣшительныя мѣры, имѣвшія послѣдствіемъ быстрое прекращеніе насилій надъ Сирійскими христіанами. Путемъ тѣхъ же дружественныхъ отношеній было достигнуто между Россіей и Франціей соглашеніе по

щекотливому вопросу объ исправленіи купола надъ Гробомъ Господнемъ.

Надо пожить въ Турціи, чтобы ознакомиться съ рѣзкими и постоянными проявленіями вражды между католиками и православными, въ особенности на жгучей почвѣ Св. Мѣстъ, гдѣ каждое вѣроисповѣданіе страстно и ревниво борется за каждую пядь земли, за каждый камешекъ, за каждую свою привилегію, въ постоянномъ опасеніи какъ бы не умалить своего исконнаго права и тѣмъ не дать противнику возможности основываться на снисходительности или просто на недосмотрѣ, чтобы требовать себѣ какой-либо новой дополнительной льготы. Лишь тотъ, кто во очію видѣлъ проявленія ненависти между христіанскими вѣроисповѣданіями, съ такою силою вспыхивающія у Гроба Того, Кто всю Свою жизнь проповѣдывалъ милосердіе и любовь, только тотъ можетъ понять, какъ трудно было установить въ вопросѣ объ исправленіи купола надъ Гробомъ Господнемъ совмѣстное дѣйствіе между покровительницею Православія, Россіей, и представительницею католическихъ интересовъ, Франціею.

Князь Лобановъ горячо принималъ къ сердцу все, что касалось православія, а врагамъ его умѣлъ противодѣйствовать съ находчивостью и энергіею поразительными. Однимъ изъ доказательствъ справедливости

такого заключенія можетъ служить хотя бы образъ его дѣйствій по отношенію къ архіепископу Іосифу Сокольскому.

Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, подъ вліяніемъ внутреннихъ раздоровъ и борьбы съ вселенскою патріархіею, между Болгарами стало увеличиваться число отщепенцевъ отъ православія, переходившихъ въ унію. Но, несмотря на усилившуюся численность уніатовъ, они продолжали быть слабыми по отношенію къ мѣстной власти и къ другимъ вѣроисповѣданіямъ. Дѣло въ томъ, что, не имѣя во главѣ своей духовнаго сановника, признаннаго турецкимъ правительствомъ за духовнаго начальника всѣхъ болгарскихъ уніатовъ,— эти уніаты не представляли изъ себя, съ точки зрѣнія мѣстныхъ законовъ, отдѣльной юридической личности, общины или, какъ принято называть въ Турціи, *миллета*, т. е. народа. Такой порядокъ вещей лишалъ болгарскихъ уніатовъ возможности имѣть за себя особаго оффиціальнаго предстателя предъ Портою, какими являются главы всѣхъ остальныхъ, признанныхъ оттоманскимъ правительствомъ, вѣроисповѣданій. Необходимость же постоянно прибѣгать къ помощи французскаго и австрійскаго посольствъ — обычныхъ защитниковъ католичества въ Турціи, вызывая поневолѣ неудовольствіе Порты на вмѣшательство европейскихъ представителей въ ея внутреннія дѣла, могло

имѣть лишь непріятныя для уніатовъ практическія послѣдствія.

Легко представить себѣ восторгъ недруговъ православія, когда имъ, наконецъ, удалось добиться отъ турокъ признанія отдѣльнаго архіепископа для болгаръ—уніатовъ въ лицѣ Іосифа Сокольскаго, благодаря чему могла быть образована правильная, съ точки зрѣнія турокъ, болгаро-латинская община съ такими же правами какъ и всѣ остальные миллеты.

Сокольскій, болгаринъ родомъ, былъ сначала игуменомъ монастыря Св. Николая. Въ 1860 г., когда онъ пріѣхалъ въ Константинополь съ цѣлью жаловаться въ патріархіи на притѣсненія Тырновскаго греческаго митрополита, Цанкову удалось склонить его перейти въ унію. Съ согласія французскаго посольства и при помощи іезуитовъ, а въ особенности миссіонера патера Борэ, Цанковъ свезъ Сокольскаго въ Римъ, гдѣ самимъ папою онъ былъ посвященъ въ архіепископа всѣхъ Болгаръ.

Достигнувъ своей цѣли, іезуиты охраняли вернувшагося въ Царьградъ Сокольскаго съ особымъ тщаніемъ и берегли его какъ зеницу ока, точно предчувствуя неустойчивость убѣжденій новаго болгарскаго прелата. Сердце ихъ оказалось вѣщуномъ: прошло не болѣе пяти мѣсяцевъ послѣ возвращенія Сокольскаго въ Константинополь, какъ снѣдаемый угрызеніями со-

вѣсти за вѣроотступничество и мучимый сознаніемъ, что онъ сдѣлался орудіемъ созданія общины, которая отнынѣ, благодаря своему новому юридическому положенію, имѣетъ всѣ средства, чтобы вести ожесточенную борьбу съ православіемъ, — Сокольскій внялъ совѣтамъ извѣстнаго болгарскаго патріота Славейкова и, не взирая на приставленную къ нему почетную стражу, бѣжалъ изъ своего дома и прибылъ въ Буюкдере, — лѣтнее мѣстопребываніе русскаго посольства.

Когда князю Лобанову доложили, что его желаетъ видѣть болгарскій архіепископъ и онъ вышелъ къ нему въ пріемную, Сокольскій прямо упалъ на колѣни и, изъявляя горькое свое раскаяніе во всемъ прошломъ, умолялъ князя спасти его отъ іезуитовъ.

Видя, что Сокольскій былъ одѣтъ какъ католическій прелатъ, въ фіолетовомъ одѣяніи и такихъ же чулкахъ, князь Алексѣй Борисовичъ потребовалъ, прежде всего, чтобы онъ снялъ съ себя эту одежду — не подобающую бывшему православному духовному — такъ какъ ранѣе того онъ не признаетъ возможнымъ входить съ нимъ въ какіе-либо переговоры. Сокольскій подчинился этому требованію и такъ какъ немыслимо было для него покинуть посольскій домъ или же, пославъ въ Константинополь за другимъ платьемъ, обнаружить свое мѣстопребываніе, то прибѣгли къ помощи діакона посольской церкви, Акакія, который

будучи одного роста съ Сокольскимъ, снабдилъ его своимъ платьемъ.

Вторично принятый, послѣ того, нашимъ посланникомъ, Сокольскій снова умолялъ принять въ немъ участіе и спасти его изъ когтей католическаго духовенства. Князь Лобановъ отвѣтилъ ему: «сегодня почтовый день и черезъ часъ придетъ сюда русскій пароходъ, отправляющійся въ Одессу: если раскаяніе ваше искренне, то ничто не мѣшаетъ вамъ сѣсть на этотъ пароходъ и тотчасъ же отправиться въ Россію».

Озадаченный столь быстрымъ поворотомъ дѣла, болгарскій архіепископъ тѣмъ не менѣе, послѣ минутнаго размышленія, рѣшилъ послѣдовать совѣту князя Лобанова и въ тотъ же день выѣхалъ въ Одессу.

Все это было сдѣлано такъ быстро и такъ ловко, что лишь чрезъ три дня, безуспѣшно искавшіе Сокольскаго повсюду, іезуиты узнали всю непріятную для нихъ правду. Но было уже поздно — Сокольскій былъ уже въ Одессѣ, откуда, съ Высочайшаго соизволенія, былъ переведенъ въ Кіево-Печерскую Лавру, гдѣ провелъ на покоѣ около двухъ лѣтъ вплоть до своей кончины.

Долго не могли утѣшиться католики въ понесенномъ ими пораженіи, весьма важномъ по своимъ послѣдствіямъ, въ особенности въ виду тогдашнихъ обстоятельствъ. Наградою же князя Лобанова былъ крайне лестный отзывъ объ его образѣ дѣйствій въ

этомъ случаѣ со стороны покойнаго Императора Александра II и звѣзда Св. Анны, присланная ему съ первою же, послѣ разсказаннаго происшествія, пришедшею въ Константинополь изъ Россіи почтою.

Умножившіяся между Россіей и Турціей торговыя связи ставили на очередь вопросъ о болѣе соотвѣтствующемъ съ требованіями времени пересмотрѣ договорныхъ статей, основывавшихся на торговомъ трактатѣ, заключенномъ въ Константинополѣ 10-го Іюня 1783 года.

Несмотря на пошатнувшееся, послѣ Крымской войны, обаяніе наше въ Турціи (уважающей, какъ и всѣ восточныя державы, одну лишь матеріальную силу), князь Лобановъ успѣлъ добиться заключенія между Россіей и Турціей трактата о торговлѣ и мореплаваніи, который былъ подписанъ 22-го Января 1862 г.; имъ выговорены новыя и существенныя льготы какъ для нашихъ купцовъ и товаровъ въ предѣлахъ Оттоманской имперіи, такъ и для нашихъ торговыхъ судовъ, посѣщающихъ Турецкія воды.

За время пребыванія его въ Царьградѣ, любовь къ научнымъ занятіямъ не покидала князя Лобанова: онъ занялся здѣсь археологіею и нумизматикою и успѣлъ себѣ составить хорошую коллекцію Византійскихъ монетъ.

По нѣкоторымъ причинамъ, скорѣе семейнаго свойства, 14-го Марта 1863 г. князь Лобановъ вышелъ въ отставку и поселился въ Ниццѣ. Отставка его была, впрочемъ, очень кратковременна, и чрезъ пять мѣсяцевъ онъ снова поступилъ въ вѣдомство Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, а въ 1866 г. былъ переведенъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ.

Блестящія природныя дарованія, а отчасти, быть можетъ, и атавизмъ потомка древнихъ владѣтельныхъ князей, позволили князю Лобанову скоро освоиться съ условіями дѣятельности на новомъ, до того ему совершенно чуждомъ, поприщѣ внутренняго управленія Россіею.

Послѣ кратковременнаго пребыванія его въ должности губернатора въ Орлѣ, гдѣ доселѣ сохраняется добрая память объ его доступности, энергіи и о живѣйшемъ интересѣ, съ которымъ онъ относился къ дѣламъ управляемой губерніи, онъ въ 1867 г. былъ назначенъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, получивъ одновременно и званіе сенатора. Благодарные жители Орла и Карачева избрали его своимъ почетнымъ гражданиномъ.

Время пребыванія князя Лобанова въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ было временемъ широкихъ реформъ, потокомъ лившихся на Россію, и просвѣщенной дѣятельности князя открылось обширное по-

прище. Онъ принималъ непосредственное участіе въ комиссіяхъ: о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ, по составленію проекта новаго Городоваго Положенія, по поземельному устройству поселянъ (царанъ) Бессарабской области, по примѣненію Городоваго Положенія въ городахъ Прибалтійскихъ губерній, въ Высочайше учрежденномъ при Министерствѣ Юстиціи Комитетѣ по преобразованію слѣдственной части (при чемъ на него было возложено предсѣдательствованіе въ случаѣ отсутствія предсѣдателя этого Комитета, статсъ-секретаря графа Палена). Затѣмъ, князь Алексѣй Борисовичъ исполнялъ обязанности предсѣдателя комиссій по дѣламъ раскола, Высочайше учрежденныхъ въ 1868 г., а потомъ въ 1875 году, былъ вице-президентомъ С.-Петербургскаго Тюремнаго Комитета. Кромѣ того, ему пришлось восемь разъ управлять Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, получая каждый разъ Высочайшее благоволеніе за успѣшное управленіе.

Отдаваясь своимъ многосложнымъ обязанностямъ, князь Лобановъ, съ 1870 г. носившій почетное званіе статсъ-секретаря Его Величества, во всякое поручаемое ему дѣло умѣлъ вносить живую струю: быстро схватывая сущность дѣла и ясно отграничивая все наиболѣе важное отъ послѣдующихъ второстепенныхъ наслоеній, въ заключенія свои по самымъ разно-

По нѣкоторымъ причинамъ, скорѣе семейнаго свойства, 14-го Марта 1863 г. князь Лобановъ вышелъ въ отставку и поселился въ Ниццѣ. Отставка его была, впрочемъ, очень кратковременна, и чрезъ пять мѣсяцевъ онъ снова поступилъ въ вѣдомство Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, а въ 1866 г. былъ переведенъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ.

Блестящія природныя дарованія, а отчасти, быть можетъ, и атавизмъ потомка древнихъ владѣтельныхъ князей, позволили князю Лобанову скоро освоиться съ условіями дѣятельности на новомъ, до того ему совершенно чуждомъ, поприщѣ внутренняго управленія Россіею.

Послѣ кратковременнаго пребыванія его въ должности губернатора въ Орлѣ, гдѣ доселѣ сохраняется добрая память объ его доступности, энергіи и о живѣйшемъ интересѣ, съ которымъ онъ относился къ дѣламъ управляемой губерніи, онъ въ 1867 г. былъ назначенъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, получивъ одновременно и званіе сенатора. Благодарные жители Орла и Карачева избрали его своимъ почетнымъ гражданиномъ.

Время пребыванія князя Лобанова въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ было временемъ широкихъ реформъ, потокомъ лившихся на Россію, и просвѣщенной дѣятельности князя открылось обширное по-

прище. Онъ принималъ непосредственное участіе въ комиссіяхъ: о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ, по составленію проекта новаго Городоваго Положенія, по поземельному устройству поселянъ (царанъ) Бессарабской области, по примѣненію Городоваго Положенія въ городахъ Прибалтійскихъ губерній, въ Высочайше учрежденномъ при Министерствѣ Юстиціи Комитетѣ по преобразованію слѣдственной части (при чемъ на него было возложено предсѣдательствованіе въ случаѣ отсутствія предсѣдателя этого Комитета, статсъ-секретаря графа Палена). Затѣмъ, князь Алексѣй Борисовичъ исполнялъ обязанности предсѣдателя комиссій по дѣламъ раскола, Высочайше учрежденныхъ въ 1868 г., а потомъ въ 1875 году, былъ вице-президентомъ С.-Петербургскаго Тюремнаго Комитета. Кромѣ того, ему пришлось восемь разъ управлять Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, получая каждый разъ Высочайшее благоволеніе за успѣшное управленіе.

Отдаваясь своимъ многосложнымъ обязанностямъ, князь Лобановъ, съ 1870 г. носившій почетное званіе статсъ-секретаря Его Величества, во всякое поручаемое ему дѣло умѣлъ вносить живую струю: быстро схватывая сущность дѣла и ясно отграничивая все наиболѣе важное отъ послѣдующихъ второстепенныхъ наслоеній, въ заключенія свои по самымъ разно-

образнымъ вопросамъ онъ вносилъ свѣтлые, широкіе взгляды съ рѣзко-очерченнымъ примирительнымъ направленіемъ. Въ случаяхъ важныхъ, усталость для него не существовала и, не прибѣгая къ помощникамъ, онъ самъ углублялся въ изученіе запутанныхъ и сложныхъ дѣлъ. Очевидцы разсказываютъ, что это было что-то невѣроятное, когда князь брался за работу, которая въ его рукахъ кипѣла и почти мгновенно отливалась въ наиболѣе совершенную форму.

Для всякаго другого такой плодовитой работы было бы за глаза достаточно; не таковъ былъ князь Лобановъ. Умъ его требовалъ все новой и новой пищи и, вѣрный своей давней страсти, онъ обращался къ исторіи, этой прекрасной возлюбленной,—всегда закутанной въ таинственную, зачарованную дымку, раскрывающуюся лишь понемногу,—которою стóитъ увлечься одинъ разъ, чтобы на всю жизнь остаться ея покорнымъ рабомъ.

Вопросъ о родовыхъ отношеніяхъ въ средѣ нашего высшаго дворянства издавна интересовалъ князя Лобанова, полагавшаго, что родственныя связи играли въ нашей исторіи роль значительно-бóльшую, чѣмъ это обыкновенно представляютъ и что отъ нихъ существенно зависилъ и самый ходъ историческихъ событій. Отсюда вытекала необходимость подробнаго изученія сказанныхъ связей для уясненія себѣ скры-

тыхъ иногда причинъ того или другаго событія, кажущагося, повидимому, непонятнымъ, и вотъ, слѣдовательно, какимъ путемъ князь пришелъ къ мысли заняться генеалогіею Русскаго дворянства.

По части этой генеалогіи въ то время существовалъ лишь одинъ серьезный трудъ: «Россійская родословная книга князя Долгорукова». Но, съ одной стороны, многія приведенныя въ ней родословія нуждались въ дополненіи, а во-вторыхъ, въ ней не дается родословій многихъ, нынѣ уже угасшихъ, старинныхъ Русскихъ родовъ, такъ напр. въ родословіи князей Одоевскихъ (т. I, стр. 49) показанъ князь Ѳедоръ Юрьевичъ (№ 38), отъ котораго пошли князья Воротынскіе, а на стр. 53-й указано, что отъ князя Василія Борисовича Тюфяки Оболенскаго (№ 129) пошли князья Тюфякины, а между тѣмъ родословныхъ таблицъ князей Воротынскихъ и Тюфякиныхъ князь Долгоруковъ не даетъ.

Первоначальною мыслью князя Лобанова было составить родословія именно такихъ угасшихъ знаменитыхъ родовъ, о которыхъ не имѣется подробныхъ таблицъ, а затѣмъ уже, на основаніи имѣвшихся въ распоряженіи его матеріаловъ, дополнить и генеалогическія таблицы прочихъ дворянскихъ родовъ вообще. Такимъ образомъ, задуманный имъ сборникъ былъ бы прямымъ продолженіемъ труда князя Долгорукова.

Но въ то время, какъ князь Алексѣй Борисовичъ собиралъ повсюду необходимыя ему справки и замѣтки, онъ сообщилъ о своихъ занятіяхъ М. И. Семевскому. Нетерпѣливый редакторъ «Русской Старины» не далъ князю достаточно времени, чтобы тщательно обработать имѣвшійся у него матеріалъ и убѣдилъ его издать таблицы въ томъ отчасти отрывочномъ видѣ, въ какомъ онѣ хранились въ его портфелѣ.

Первый томъ изданной М. И. Семевскимъ «Русской родословной книги» вышелъ въ 1873 г., а второй въ 1875 г. Книга эта, вышедшая безъ имени составителя, имѣла успѣхъ и, несмотря на свою неполноту и отрывочность, сдѣлалась настольною книгою у нашихъ генеалоговъ. Анонимъ князя скоро огласился, генеалогическая репутація его установилась на прочномъ основаніи, и Петровъ, въ своей «Исторіи родовъ Русскаго дворянства», называетъ князя «величайшимъ изъ современныхъ разработывателей отечественной генеалогіи» (стр. 105). Благодаря значенію, какое пріобрѣлъ трудъ князя Лобанова среди любителей исторіи, онъ весьма быстро исчезъ съ книжнаго рынка и скоро сдѣлался библіографическою рѣдкостью.

Второе изданіе «Русской родословной книги», сдѣланное А. С. Суворинымъ, вышло въ свѣтъ въ 1895 г., въ двухъ томахъ, въ столь дополненномъ видѣ, что,

при почти одинаковомъ числѣ родословій (увеличилось всего на 11), объемомъ оно чуть не въ полтора раза обширнѣе перваго изданія. Оно было очень благосклонно встрѣчено критикою, отмѣтившею всѣ достоинства этого капитальнаго труда, являющагося цѣннымъ вкладомъ въ нашу небогатую генеалогическую литературу.

Кромѣ этого большаго труда, князь Лобановъ принималъ постоянное участіе въ «Русской Старинѣ», гдѣ напечаталъ собраніе разсказовъ П. Ѳ. Карабанова и рядъ замѣтокъ и статей, основанныхъ на принадлежавшихъ ему неизданныхъ документахъ: «Свѣтлѣйшій князь П. П. Лопухинъ» (1873), «Родословіе герцога Бирона» (1873), «Манштейны» (1876), «Зубовы» (1876), «Графъ Александръ Головкинъ» (1876), «Денисъ Ивановичъ Фонвизинъ» (1876), «Лордъ Витвортъ» (1877). Затѣмъ, въ «Русскомъ Архивѣ» онъ помѣстилъ анонимный трудъ о Е. И. Нелидовой (1873),— служащій предисловіемъ къ помѣщеннымъ вслѣдъ за нимъ письмамъ этой столь извѣстной въ свое время фрейлины и представляющій одну изъ попытокъ его къ систематической обработкѣ добытыхъ имъ матеріаловъ, — и нѣсколько другихъ историографическихъ замѣтокъ. Мелкія замѣтки эти, при всей своей сухости, отличаются большою точностью и свидѣтельствуютъ, что авторъ ихъ внимательно слѣдилъ за текущею исто-

рическою литературою и найдя въ какомъ нибудь разсказѣ неточность или погрѣшность, спѣшилъ ее исправить, дополняя самый разсказъ новыми данными, которыя, прежде чѣмъ напечатать, провѣрялъ самымъ тщательнымъ и добросовѣстнымъ образомъ.

Но что особенно привлекало къ себѣ вниманіе князя Лобанова, это непродолжительное, но исполненное такого интереса царствованіе Императора Павла I. Онъ задумалъ написать исторію этого, остающагося доселѣ въ полумракѣ, періода и съ любовью сталъ собирать нужные ему матеріалы; въ его библіотекѣ было сосредоточено все, что объ этомъ времени напечатано въ Россіи и въ чужихъ краяхъ. Заграничные книготорговцы немедленно сообщали ему о всѣхъ попадавшихся имъ по этому предмету книгахъ, и князь не жалѣлъ никакихъ денегъ на выписку интересовавшаго его сочиненія; кромѣ печатныхъ источниковъ, у него имѣлись въ его коллекціяхъ и драгоцѣнные рукописные: подлинныя письма, дневники дѣятелей того времени и многія другія данныя; нѣкоторыя разрѣшено было ему собрать, по особому къ нему довѣрію Императора Александра II, въ собственномъ фамильномъ архивѣ Его Величества. Богатство матеріала и личность трудившагося надъ нимъ историка обѣщали дать полную и безпристрастную оцѣнку такъ недостаточно еще выясненной ры-

царской личности Императора Павла Петровича и пролить новый свѣтъ на исторію его царствованія. Къ сожалѣнію, усиленная служебная дѣятельность князя мѣшала ему сосредоточиться на обработкѣ собранныхъ имъ сырыхъ историческихъ данныхъ, и онъ успѣлъ лишь составить два большихъ тома «Дневника», гдѣ, день за днемъ, воспроизведена вся внѣшняя исторія царствованія Павла I.

Ученые труды князя Лобанова были вознаграждены избраніемъ его въ почетные члены Императорской Академіи Наукъ, а потомъ и Императорской Публичной Библіотеки. Въ тоже время, по Высочайшему повелѣнію, князь былъ приглашенъ отъ имени Его Величества къ содѣйствію по собранію матеріаловъ для исторіи и жизнеописанія Императора Николая I.

II.

По окончаніи Русско-турецкой войны и возстановленіи сношеній съ Портою, необходимо было послать въ Константинополь опытнаго дипломата, въ тонкости знакомаго съ Востокомъ и съ особенностями дипломатической тамъ дѣятельности, который въ состояніи былъ бы распутать нѣсколько узловъ, составлявшихъ наслѣдіе минувшей войны, измѣнившей всѣ прежнія соотношенія какъ между Турціей и сосѣдними съ нею государствами, такъ и между народностями, населяющими Балканскій полуостровъ, гдѣ частью окончательно освободились, частью возникли новые политическіе организмы, со своими обособленными стремленіями. Для согласованія всего этого съ видами Россіи требовалось воздѣйствіе мягкое по формѣ, но твердое по существу. Вдобавокъ, нужно было подготовиться къ энергическому дѣйствію и на самого султана для заключенія договора по тѣмъ вопро-

самъ, которые не подлежали разсмотрѣнію имѣвшаго собраться въ Берлинѣ международнаго конгресса.

Князь Лобановъ представлялъ собою именно человѣка, которому было по плечу справиться съ трудными задачами, предстоявшими быть удѣломъ Русскаго представителя въ Царьградѣ при тогдашнихъ обстоятельствахъ. На него-то и палъ выборъ Александра II, снова призвавшаго его на дипломатическое поприще и 22-го Апрѣля 1878 г. назначившаго своимъ чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ при султанѣ.

Посылая князя въ Константинополь, Государь счелъ нужнымъ предупредить его, что пребываніе его на берегахъ Босфора будетъ непродолжительно, такъ какъ вскорѣ онъ будетъ вызванъ въ Петербургъ для замѣщенія князя Горчакова, въ то время уже удрученнаго недугами и нуждавшагося въ отдыхѣ.

Положеніе Русскаго посла въ Царьградѣ и въ обычное время крайне тяжелое, боевое. Городъ этотъ служитъ центромъ скрещивающихся всевозможныхъ интригъ иностранныхъ представителей, всѣ свои старанія направляющихъ къ противодѣйствію или даже къ искорененію Русскаго вліянія на Порту и къ стремленію увлечь Турцію въ Западноевропейскую орбиту, заполучивъ, конечно, въ собственную пользу львиную часть всѣхъ выгодъ. Къ этому результату направленъ весь пресловутый Европейскій концертъ, въ которомъ,

однако, все чаще и чаще замѣчается отсутствіе стройности, проявляющееся то тутъ, то тамъ раздающимися фальшивыми нотками, и противъ такого-то единодушнаго натиска долженъ бороться Русскій представитель, почти всегда одинокій, никѣмъ не поддерживаемый. Въ тоже время, онъ долженъ преодолѣвать ухищренія уклончивой и двоедушной политики Порты, самою своею слабостью осужденной на постоянныя увертки, въ надеждѣ, что никогда не прекращающееся взаимное соперничество между державами дастъ ей возможность какъ нибудь ускользнуть отъ исполненія своихъ обязательствъ, на которыя она такъ щедра на словахъ и даже на бумагѣ. При такихъ условіяхъ, защита нашихъ интересовъ въ Турціи и преслѣдованіе нашихъ исконныхъ цѣлей на Востокѣ, въ связи съ заботами, вытекающими изъ нашего, освященнаго вѣками, покровительства единовѣрцамъ и единоплеменникамъ, налагаютъ на Русскаго посла при Султанѣ тяжкое бремя и требуютъ неослабнаго и крайняго напряженія всѣхъ умственныхъ силъ.

Обычныя тяготы, соединенныя съ обязанностями Русскаго посла въ Константинополѣ, въ эпоху 1878 — 1879 гг. еще усугублялись многоразличными вопросами, составлявшими прямое послѣдствіе только что закончившейся войны: нужно было слѣдить за дѣятельностью спеціальныхъ коммиссій по разграни-

ченію Черногоріи, Сербіи и Болгаріи съ Турціей, Болгаріи съ Румыніей и съ Сербіей, Восточной Румеліи съ Турціей, Турціи съ Россіей въ Малой Азіи; нужно было добиться очищенія отъ Турецкихъ войскъ Шумлы и Варны и сдачи намъ Батума; необходимо было справиться съ мусульманскимъ возстаніемъ въ Родопскихъ горахъ, утишить воинственныя стремленія Греціи, направлять первые шаги самостоятельнаго существованія новыхъ политическихъ организмовъ, вызванныхъ къ жизни освободительною войною, — княжества Болгарскаго и автономной области Восточной Румеліи,—руководить выработкою для этой послѣдней особою международною коммиссіею Органическаго Устава и, наконецъ, стоять на стражѣ спеціально-русскихъ интересовъ и заключить съ Турціею отдѣльный договоръ. Всѣ эти вопросы приведены были княземъ Лобановымъ къ благополучному разрѣшенію.

Переговоры по дѣлу о заключеніи договора были тѣмъ затруднительнѣе, что для преодолѣнія естественнаго упорства Порты, не желавшей окончательно налагать на себя стѣснительныхъ обстоятельствъ, принятыхъ ею по предварительному Санъ-Стефанскому миру, у князя Лобанова не было другихъ средствъ давленія кромѣ нравственныхъ, такъ какъ, вслѣдствіе явнаго недоброжелательства Европы, сократившей

срокъ нашей оккупаціи Болгаріи, Русскія войска должны были оставить предѣлы Турціи ранѣе, чѣмъ это предполагалось первоначально, и потому не могли быть мечомъ Бренна, который князь Лобановъ, въ случаѣ надобности, могъ бы бросить на чашку вѣсовъ.

Тѣмъ не менѣе, благодаря своему нравственному авторитету, дипломатическому искусству, настойчивости и личному вліянію на султана, князю Алексѣю Борисовичу удалось добиться заключенія окончательнаго мирнаго договора между Россіею и Турціей, который и былъ подписанъ 27 Января (8 Февраля) 1879 года.

Актъ этотъ между, прочимъ, опредѣлилъ размѣръ военной контрибуціи, которую Турція должна была уплатить Россіи, въ восемьдесятъ два милліона пятьсотъ тысячъ франковъ; Русскимъ подданнымъ и учрежденіямъ, пострадавшимъ отъ войны, Порта обязалась уплатить вознагражденіе въ размѣрѣ не свыше 26.750.000 франковъ, особые коммиссары должны были опредѣлить размѣръ суммъ, должныхъ Россіи за содержаніе военноплѣнныхъ. Послѣдующими статьями трактата султанъ даруетъ полную амнистію всѣмъ своимъ подданнымъ, замѣшаннымъ въ послѣднихъ событіяхъ въ областяхъ Европейской Турціи и возвращаетъ изъ изгнанія и ссылки всѣхъ по этому же поводу удаленныхъ изъ ихъ родины (сколько несчастныхъ

Болгаръ было, затѣмъ, въ силу этой статьи, возвращено, по требованію нашего посольства, изъ ссылки въ Малой Азіи!); наконецъ, Блистательная Порта обязуется покончить, путемъ полюбовнаго соглашенія, всѣ тянущіяся уже столько лѣтъ тяжебныя дѣла, по требованіямъ Русскихъ подданныхъ съ Турецкаго правительства, и возмѣстить имъ всѣ понесенные ими убытки, а также привести немедленно въ исполненіе всѣ уже ранѣе того состоявшіяся въ ихъ пользу судебныя рѣшенія.

Пишущему эти строки, исполнявшему въ то время обязанности перваго секретаря посольства нашего въ Константинополѣ, было поручено доставить въ Петербургъ договоръ этотъ, который и былъ ратификованъ 3-го Февраля 1879 г.

Неусыпно слѣдя за ходомъ политическихъ событій на Балканскомъ полуостровѣ со всѣми ихъ сложными перипетіями, князь Лобановъ не упускалъ изъ виду условій дѣятельности и чисто консульской и повысилъ уровень требованій отъ нашихъ консуловъ. Снабдивъ ихъ инструкціями, въ которыхъ, однако, отсутствовали обычно употребляемыя въ такого рода бумагахъ общія слова и упованія на «извѣстный посольству вашъ тактъ и опытность» и гдѣ, напротивъ, были кратко и ясно указаны главныя цѣли и задачи, подлежавшія вѣдѣнію того или другого кон-

сула, князь Лобановъ сообщилъ имъ всѣмъ весьма обширную программу относительно того, о чемъ наши консулы должны были доставить подробныя свѣдѣнія, но постепенно, по мѣрѣ болѣе и болѣе тщательнаго ознакомленія съ краемъ, ввѣреннымъ ихъ наблюденію, и благодаря которымъ должно было получиться полное и всестороннее описаніе края въ политическомъ, статистическомъ, этнографическомъ, торгово - промышленномъ, военномъ и археологическомъ отношеніяхъ. Консуламъ была намѣчена широкая рамка свѣдѣній, въ которыхъ нуждалось посольство, хотя, въ интересѣ полноты и основательности этихъ свѣдѣній, имъ было предоставлено не спѣшить ихъ доставленіемъ ради простой канцелярской отписки, которой князь Лобановъ не терпѣлъ во всю свою жизнь.

Какъ рѣшительно поступалъ князь Лобановъ въ иныхъ обстоятельствахъ, когда польза дѣла требовала быстроты, показываетъ одинъ изъ эпизодовъ, случившійся лѣтомъ 1878 г.

Послѣ предварительнаго Санъ-Стефанскаго мира, Русскія войска охватывали съ сухопутья Константинополь широкимъ кольцомъ, начинавшимся у Санъ-Стефано и тянувшимся почти до Чернаго моря. Турки, въ свою очередь, тоже постепенно сосредоточили сюда же свои войска, вытянувъ ихъ въ линію параллельную

линіи расположенія Русскихъ силъ, такъ что обѣ арміи, стоявшія на всемъ этомъ протяженіи одна противъ другой, изо дня въ день тщательно слѣдили за всякимъ дѣйствіемъ и движеніемъ своего противника. Окончательнаго мира заключено еще не было, а слѣдовательно не было полной увѣренности, что война по какому нибудь поводу снова не возгорится. Вдобавокъ, въ обѣихъ арміяхъ были военачальники, недовольные прекращеніемъ военныхъ дѣйствій. Одни изъ нихъ, Русскіе, находили, что, несмотря на побѣдоносную войну, мы пріобрѣли слишкомъ мало по сравненію съ принесенными жертвами, и что, во всякомъ случаѣ, намъ слѣдовало во что̀ бы то ни стало занять Константинополь. Другіе, Турки, полагали, что Турціи слѣдуетъ продолжать открытую борьбу, что у нея, съ теченіемъ времени, накопилось болѣе вѣроятностей на побѣду и что дальнѣйшимъ отчаяннымъ сопротивленіемъ можно не только избавиться отъ унизительныхъ, навязанныхъ побѣдителемъ условій, но и самимъ продиктовать свои условія Россіи, ослабленной продолжительною войною и не имѣвшей надежной коммуникаціонной линіи для сообщенія съ своею арміею, находившеюся въ окрестностяхъ Царьграда.

Однимъ изъ самыхъ ярыхъ партизановъ подобной guerre à outrance былъ молодой генералъ (нынѣ маршалъ) Фуадъ-паша, Турецкій Мюратъ, самонадѣян-

ность котораго не знала границъ съ того времени какъ ему посчастливилось нанести пораженіе Русскимъ войскамъ подъ Еленою. Находившійся подъ его начальствомъ авангардъ, въ одинъ изъ Іюльскихъ дней, замѣтилъ, что у Русскихъ, стоявшихъ напротивъ его, возведены вышки, построенныя казаками для лучшаго наблюденія за Турецкими позиціями. Фуадъ-паша усмотрѣлъ въ этомъ нарушеніе обязательнаго для обѣихъ сторонъ бездѣйствія, какъ бы приступъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ и послалъ сказать начальнику стоявшихъ тамъ Русскихъ войскъ, генералу Скобелеву, что если къ девяти часамъ завтрашняго утра вышки не будутъ разрушены, то онъ дастъ приказъ къ наступленію по всей линіи.

Скобелевъ немедленно донесъ о происшедшемъ главнокомандующему, графу Тотлебену. Была уже ночь, когда донесеніе его было получено въ главной квартирѣ. Графъ Тотлебенъ тотчасъ же послалъ съ этимъ извѣстіемъ директора состоявшей при немъ дипломатической канцеляріи, М. А. Хитрово, на паровомъ катерѣ въ Буюкдере, гдѣ жило тогда наше посольство и куда онъ прибылъ въ 4 часа утра; а въ 5 часовъ князь Лобановъ былъ уже въ прибосфорской деревушкѣ Кандилли, расположенной на Малоазійскомъ берегу, гдѣ проводилъ лѣто тогдашній Турецкій министръ иностранныхъ дѣлъ, Сафветъ-паша.

Князь Лобановъ потребовалъ, чтобы немедленно разбудили министра. Напрасно прислужники его увѣряли, что исполненіе этого требованія, говоря, что въ такой ранній утренній часъ министръ еще находится въ гаремѣ, и вызвать его оттуда невозможно. Князь упорно стоялъ на своемъ, и Сафветъ, наконецъ, вызванъ изъ гарема. Онъ явился въ желтой шелковой, стеганой казакинѣ. Князь передалъ ему телеграмму, полученную ночью, и указалъ на роковыя послѣдствія, которыя могла имѣть безумная выходка Фуада, заявлявшаго, что онъ самъ разрушитъ казачьи пикеты. Не трудно было предвидѣть, что попытка Турокъ самимъ перейти въ наступленіе немедленно вызвала бы отпоръ и наступленіе со стороны Русскихъ, и снова возгорѣлась бы война, а разъ она началась бы снова, кто могъ бы опредѣлить, гдѣ она кончится... Въ обоюдныхъ интересахъ и Россіи и Турціи необходимо было, безъ промедленія, обуздать пылкаго генерала и для того тотчасъ же войти въ сношенія съ султаномъ, такъ какъ каждая минута была дорога.

Робкій Сафветъ сначала ни за что не хотѣлъ телеграфировать въ Ильдызъ-кіоскъ, ссылаясь на то, что султанъ еще въ гаремѣ и онъ не смѣетъ его безпокоить, однако, подъ конецъ, онъ долженъ былъ уступить непреклонной настойчивости князя, увѣнчавшейся полнымъ успѣхомъ, такъ какъ въ 6 часовъ утра сул-

танъ далъ непосредственно Фуаду-пашѣ самыя строгія приказанія по телеграфу, и весь этотъ случай, который, при малѣйшемъ промедленіи или недостаткѣ рѣшительности со стороны князя Лобанова, могъ повести къ возобновленію военныхъ дѣйствій и возбудить, пожалуй, восточный вопросъ въ полномъ его объемѣ, былъ улаженъ благополучно и не имѣлъ никакихъ дальнѣйшихъ послѣдствій. Жители же Константинополя, проснувшись, и не подозрѣвали, отъ какой опасности они избавились и какія событія должны были розыграться въ то утро, въ ближайшемъ сосѣдствѣ и, по всей вѣроятности, въ самыхъ стѣнахъ Константинополя.

III.

Въ то время какъ подъ умиротворяющимъ дѣйствіемъ князя Лобанова мало-по-малу сглаживались шероховатости разныхъ вопросовъ, одинъ за другимъ возникавшихъ на окружавшей его вулканической почвѣ, Императоръ Александръ II нашелъ, что присутствіе князя необходимо въ Лондонѣ. Отношенія наши съ Англійскимъ правительствомъ безспорно ухудшались, а такъ какъ князя привыкли уже посылать туда, гдѣ, какъ говорится, «горитъ», то 23 Декабря 1879 г. онъ былъ назначенъ чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ при королевѣ соединенныхъ королевствъ Великобританіи и Ирландіи, императрицѣ Индіи. При отправленіи его въ Лондонъ, Государь вторично заявилъ ему, что это будетъ послѣднимъ дипломатическимъ его постомъ за границею, такъ какъ онъ предназначенъ замѣнить князя Горчакова въ управленіи нашимъ Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ.

И здѣсь князь Лобановъ оправдалъ возлагавшіяся на него ожиданія. Характеръ отношеній между Англіею и нами быстро измѣнился къ лучшему, прежняя холодность исчезла, и представилась возможность съ успѣхомъ защищать интересы Россіи въ происходившихъ тогда переговорахъ по Афганскимъ и Египетскимъ дѣламъ. Въ тоже время, при его посредствѣ, была заключена между Россіею и Великобританіею конвенція 9-го Августа 1880 г. о взаимной выдачѣ наслѣдствъ, остающихся послѣ смерти мореходцевъ.

Въ Лондонѣ князь Лобановъ оставался до 13-го Іюля 1882 г., когда былъ переведенъ въ Вѣну, будучи назначенъ чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ при императорѣ Австрійскомъ, королѣ Венгерскомъ. Лишь тогда рѣшился онъ перевезти изъ Петербурга всѣ свои обширныя коллекціи портретовъ Русскихъ дѣятелей, картинъ, гравюръ, автографовъ, монетъ и разныхъ древнихъ вещей, предвидя, что въ Вѣнѣ суждено ему провести много лѣтъ. До тѣхъ поръ, коллекція его хранилась въ оставленномъ княземъ Алексѣемъ Борисовичемъ до 1882 г. за собою старомъ его помѣщеніи на Михайловской площади, въ домѣ гр. Вельегорскихъ (нынѣ Кочкурова). Помѣщеніе это памятно многимъ любителямъ старины, такъ какъ въ немъ, во время своего пребыванія въ Петербургѣ, князь любилъ принимать всѣхъ, кому дорого наше

прошлое, всѣхъ, кто занимался изученіемъ этого прошлаго, и велъ съ ними оживленныя бесѣды по различнымъ историческимъ вопросамъ, поражая собесѣдниковъ обширною своею начитанностью и проникновеніемъ въ самую суть былыхъ событій.

Долговременное пребываніе князя Алексѣя Борисовича въ столицѣ Австріи совпало съ эпохою тяжкихъ смутъ въ Болгаріи, когда, пользуясь благопріятными обстоятельствами, окрылились Австрійскія вожделѣнія на столь лакомый кусокъ, какъ это Славянское княжество, захотѣвшее, въ особенности подъ вліяніемъ Стамбулова, дать на удивленіе міру второй обращикъ неблагодарности.

Это было тяжкое время, когда зачастую казалось, что подъ вліяніемъ задорнаго образа дѣйствій мѣстныхъ Австрійскихъ агентовъ и подъ вліяніемъ воинственныхъ рѣчей, сплошь и рядомъ раздававшихся въ Австро-венгерскихъ представительныхъ собраніяхъ, миръ держался на волоскѣ, который вотъ-вотъ долженъ порваться. Мудрая политика Царя-Миротворца, находившаго себѣ въ Вѣнѣ такого искуснаго исполнителя его предначертаній, предотвратила катастрофу.

Благодаря полнымъ такта дѣйствіямъ князя Лобанова, спокойно, но твердо отстаивавшаго неприкосновенность самихъ принциповъ, на которыхъ зиждется наша политика на Балканскомъ полуостровѣ, кровью

Русскихъ воиновъ вызваннаго къ самостоятельной жизни, при чемъ держава-освободительница являла примѣръ личнаго безкорыстія, подобнаго которому едва-ли можно найти на скрижаляхъ исторіи,—отношенія между обоими правительствами стали постепенно терять свой острый характеръ и даже, подъ конецъ, приняли скорѣе дружественный оттѣнокъ, хотя Россія и не поступилась въ пользу Австріи ни единымъ изъ своихъ интересовъ.

Заслуги князя Лобанова въ этомъ направленіи были отличены знакомъ монаршаго благоволенія, и 9-го Апрѣля 1889 года онъ получилъ Высочайшій рескриптъ слѣдующаго содержанія:

«Князь Алексѣй Борисовичъ. Цѣня многолѣтнюю дѣятельность вашу на дипломатическомъ поприщѣ, неуклонно направляемую сознаніемъ достоинства и пользъ отечества, а равно ваши дарованія, опытность въ государственныхъ дѣлахъ и отличающія васъ личныя качества, снискавшія вамъ всеобщее уваженіе, я считаю справедливымъ выразить вамъ мою особенную благодарность за ваши достохвальныя заслуги. Въ ознаменованіе оной и въ знакъ моего къ вамъ благоволенія жалую васъ кавалеромъ ордена Св. Апостола Андрея Первозваннаго, знаки коего при семъ препровождаются. Пребываю къ вамъ неизмѣнно благосклонный. Александръ.

За время пребыванія князя въ Вѣнѣ были между Россіею и Австро-Венгріею заключены двѣ конвенціи: одна 2-го Января 1893 г. о соединеніи Новоселицкой вѣтви юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ съ Львов-

ско-Черновицкою желѣзною дорогою, и другая — торговая, подписанная 6-го Мая 1894 г.

Изъ особо возлагавшихся за это время на князя Лобанова порученій слѣдуетъ отмѣтить посылку его въ Декабрѣ мѣсяцѣ 1894 г. въ Римъ для извѣщенія папы Римскаго о восшествіи на престолъ нынѣ благополучно царствующаго Императора Николая II.

При князѣ же Алексѣѣ Борисовичѣ наше посольство въ Вѣнѣ, помѣщавшееся дотолѣ въ домѣ частнаго лица, пріобрѣло покупкою великолѣпный дворецъ герцога Нассаускаго, а въ прилегающемъ къ дому саду была начата постройка православнаго храма. Благодаря также его стараніямъ, Вѣнскій муниципалитетъ уступилъ намъ участокъ земли подъ устройство кладбища, спеціально для погребенія православныхъ Русскихъ подданныхъ, что̀ и было тогда же приведено въ исполненіе.

Дипломатическая дѣятельность князя Лобанова, не смотря на свою напряженность, не мѣшала его литературнымъ и ученымъ работамъ. Онѣ служили ему отдыхомъ отъ оффиціальной работы; полнаго отдыха, въ смыслѣ ничегонедѣланія, князь никогда не понималъ, и на каждый досужій часъ у него всегда находилось что нибудь новое, что онъ хотѣлъ изучить или дополнить.

Такъ, въ «Русскомъ Архивѣ» князь Лобановъ помѣстилъ статью о Запискахъ княгини Дашковой

(1881), а въ «Русской Старинѣ»: «Земскій и Затрапезные, представители именитыхъ купеческихъ фамилій въ XVIII в.» (1884), «Маркъ Мартиновичъ и его Русскіе ученики» (1884), «Письмо царицы Прасковьи» (1884), «Анастасія Аѳанасьевна Пушкина (1884), «Вопросъ о князѣ Щербатовѣ» (1886), «Николай Ивановичъ Кривцовъ» біографическій очеркъ (1888) и «Принцъ Карлъ Эрнестъ Курляндскій въ Бастиліи», очеркъ (1888).

Интересуясь вопросами о Французскихъ эмигрантахъ и вообще о состояніи Французскаго общества конца XVIII вѣка, князь собралъ большое количество сочиненій, рукописей, писемъ, относящихся къ этой эпохѣ, но самъ издалъ только одно сочиненіе на французскомъ языкѣ, и то анонимно, выпущенное въ очень ограниченномъ числѣ экземпляровъ, не поступившихъ въ продажу. Сочиненіе носитъ слѣдующее заглавіе; «Lettres de la marquise de Coigny et de quelques autres personnes appartenant à la société française», Paris. 1884. Кромѣ этого сочиненія, онъ принималъ самое дѣятельное участіе въ изданіи книги «Correspondance intime du comte de Vaudreuil et du comte d'Artois pendant l'émigration (1789 — 1815), publiée avec introduction, notes et appendices par Léonce Pingaud. Paris. 1889. На стр. 350-й втораго тома «Correspondance intime», Пэнго, говоря о томъ, кому принад-

лежатъ оригиналы опубликованныхъ имъ 254 писемъ, упоминаетъ, что письма №№ 3 — 75 «formant une série suivie et numérotée par l'auteur, proviennent de la bibliothèque de S. E. le prince Lobanow, ambassadeur de Russie à Vienne». Не довольствуясь передачею самыхъ писемъ, князь сдѣлалъ къ нимъ много замѣтокъ и примѣчаній, но, тѣмъ не менѣе, всю авторскую честь онъ предоставилъ г. Пэнго.

Въ 1890 — 1892 гг. князь Лобановъ собиралъ во всѣхъ архивахъ матеріалы касательно дѣятельности извѣстнаго Французскаго агента, авантюриста и непримиримаго врага Наполеона I, графа d'Антрага, но собранный имъ матеріалъ предоставилъ обработать обычному своему сотруднику, Пэнго, который въ 1893 г. выпустилъ сочиненіе подъ заглавіемъ «Un agent secret sous l'Empire, comte d'Antraigues».

Леонсъ Пэнго издалъ еще одну книгу «L'invasion Austro-prussienne (1792 — 1794)», Paris. 1895; двѣ трети ея заняты анонимнымъ разсказомъ современника объ Австро-Прусской кампаніи въ Эльзасѣ въ 1793 г. Въ предисловіи издатель сообщаетъ, что подлинникъ разсказа принадлежитъ князю Лобанову. И это сочиненіе князь снабдилъ обильными и цѣнными примѣчаніями.

Въ концѣ 1894 г. князь Лобановъ задумалъ издать дневникъ Елисаветы Петровны Дивовой, урож-

денной графини Бутурлиной, имѣвшей политическій салонъ въ Парижѣ и, какъ кажется, высланной оттуда Наполеономъ I-мъ. Дневникъ Дивовой, вмѣстѣ съ ея обширною семейною перепискою, хранится въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Всѣ необходимыя по этому поводу выписки и справки были уже сдѣланы; но князь Лобановъ, пріобрѣвшій даже великолѣпный портретъ Дивовой, масляными красками, въ натуральную величину, не успѣлъ осуществить своего намѣренія.

Въ прекрасномъ сообщеніи, сдѣланномъ К. А. Губастовымъ въ Обществѣ ревнителей историческаго просвѣщенія и посвященномъ памяти князя Лобанова-Ростовскаго, мы находимъ любопытное замѣчаніе, характеризующее самое направленіе литературно-исторической дѣятельности покойнаго князя, а именно, что въ своихъ историческихъ изслѣдованіяхъ князь Алексѣй Борисовичъ увлекался болѣе всего дѣятелями, въ жизни которыхъ было что то загадочное, невполнѣ до настоящаго времени выясненное, или же интересовался лицами, надъ которыми тяготѣлъ фатумъ, злой рокъ. Въ продолженіе полжизни собиралъ онъ матеріалы для исторіи Павла I, сознавая, что для опубликованія ихъ еще не настало время. Изъ лицъ, игравшихъ болѣе видную роль въ это царствованіе его опять болѣе другихъ занимаютъ: графъ Никита

Петровичъ Панинъ и Е. И. Нелидова. Наконецъ, изъ массы французскихъ эмигрантовъ, имѣющихъ отношеніе къ русскому правительству, онъ выбираетъ весьма второстепеннаго по своему значенію въ эмиграціи, авантюриста графа д'Антрага, котораго не только жизнь наполнена всякими приключеніями, но даже и о смерти котораго неизвѣстно ничего достовѣрнаго.

Судьба графа Н. П. Панина, этого выдающагося по своимъ дарованіямъ, а по обстоятельствамъ своей жизни, несчастнаго государственнаго человѣка, прожившаго болѣе 30 лѣтъ въ опалѣ, не могла не заинтересовать князя Лобанова.

Графъ Никита Петровичъ, достигнувъ при Павлѣ I, всего 28 лѣтъ отъ роду, званія вице-канцлера, какъ извѣстно, по недоброжелательству къ нему своего начальника, графа Растопчина, долженъ былъ покинуть свой постъ, на которомъ онъ пробылъ немного болѣе года.

Императоръ Александръ, по вступленіи на престолъ, немедленно вызвалъ графа Панина и вновь назначилъ его, 21 Марта 1801 г., вице-канцлеромъ. Казалось, что теперь онъ могъ расчитывать на прочность своего положенія, а между тѣмъ не далѣе какъ чрезъ семь мѣсяцевъ онъ опять покидаетъ сперва Министерство, а вскорѣ потомъ и службу, и полу-

чаетъ приказаніе проживать въ своемъ смоленскомъ имѣніи, Дугино.

Князь Лобановъ приложилъ все стараніе, чтобы доискаться до истинныхъ причинъ постигшей графа Панина немилости и путемъ разспросовъ лицъ, близко стоявшихъ къ Дугинскому изгнаннику и тщательнаго розысканія писемъ того времени, ему удалось открыть долго хранившуюся тайну.

Составленная имъ монографія «Графъ Никита Петровичъ Панинъ» представляетъ значительный интересъ, но по заключающимся въ ней свѣдѣніямъ не могла быть напечатана, и князь читалъ ее только въ кругу близкихъ своихъ друзей и знакомыхъ. Она несомнѣнно была сообщена Брикнеру, который и воспользовался ею при изданіи «Матеріаловъ для жизнеописанія графа Никиты Петровича Панина». Не соглашаясь иногда вполнѣ съ мнѣніемъ или догадкою князя Лобанова, Брикнеръ приводитъ тѣмъ не менѣе дословно его разсказъ, не указывая, однако, на источникъ.

Въ V томѣ «Матеріаловъ», исторія размолвки графа Панина съ графомъ Растопчинымъ, а въ VI — инцидентъ съ письмомъ Приклонскаго и разсказъ современника о первой аудіенціи графа Панина у императрицы Маріи Өеодоровны—взяты цѣликомъ изъ монографіи князя Алексѣя Борисовича.

Вообще должно замѣтить, что князь Лобановъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые собранныя ими данныя ревниво хранятъ подъ семью печатями. Наоборотъ, когда изслѣдователи или историки обращались къ нему за совѣтомъ, указаніемъ или справкою, онъ охотно дѣлился съ ними всѣмъ своимъ знаніемъ, сообщалъ добытыя имъ свѣдѣнія или же свои догадки, предположенія, словомъ, не скупился дѣлиться съ ними всѣмъ собраннымъ имъ съ такою любовью и рѣдкимъ умѣньемъ богатымъ историческимъ матеріаломъ.

IV.

Князь Лобановъ умѣлъ вселять въ своихъ подчиненныхъ безграничное уваженіе и искреннюю любовь, которыя ярко выразились въ сердечности, высказанной по случаю исполнившагося 12-го Декабря 1894 г. пятидесятилѣтія службы его. Впрочемъ, нужно сказать, что одинаковыя чувства возбуждалъ онъ во всѣхъ, съ которыми приходилъ въ близкое соприкосновеніе,— стоило его знать, чтобы уважать и любить.

Хотя оффиціальное празднованіе юбилея и не совпадало съ названнымъ выше числомъ, такъ какъ князь былъ пять мѣсяцевъ въ отставкѣ, и было перенесено на 17-е Мая 1895 года, тѣмъ не менѣе сослуживцы князя испросили его разрѣшеніе отпраздновать пятидесятилѣтній день вступленія его въ службу семейнымъ образомъ и устроили ему обѣдъ, на которомъ присутствовали всѣ чиновники посольства и генеральнаго консульства въ Вѣнѣ, съ ихъ женами.

[illegible] К. А. Губастовъ, тогдашній [illegible] изъ всѣхъ участниковъ наиболѣе продолжительное время служившій подъ начальствомъ [illegible], сказалъ слѣдующую рѣчь:

«Князь Алексѣй Борисовичъ. Желая почтить сегодня [illegible] вашу полувѣковое служеніе, собрались мы, немногочисленные ваши сотрудники, вокругъ васъ. «Полвѣка! — воскликнетъ князь Вяземскій, и сказать такъ страхъ! А пережить — куда какъ трудно»!

«Да, 50 лѣтъ тому назадъ покинули вы, съ высшимъ отличіемъ, учебное заведеніе, воспѣтое великимъ нашимъ поэтомъ, и вступили на дипломатическое поприще».

«Вы скоро принялись за дѣло, быстро освоились съ нимъ, обратили на себя вниманіе министерства и прошли скорыми шагами первыя ступени дипломатической лѣстницы».

«Въ 1859 году, когда вамъ едва исполнилось 35 лѣтъ, т. е. въ томъ возрастѣ, въ который обыкновенно молодые и удачно служащіе дипломаты едва достигаютъ второстепенныхъ должностей, вы становитесь посланникомъ въ Царьградѣ и ведете нашу политику на Востокѣ. Во время пребыванія вашего на этомъ посту происходитъ рѣзня христіанъ въ Сиріи. Встревоженная Европа спѣшитъ къ нимъ на помощь и, въ бывшихъ по этому вопросу переговорахъ державъ съ Портою, вы принимаете дѣятельное участіе».

«Въ 1863 году вы пожелали покинуть дипломатію, и мы видимъ васъ вскорѣ на различныхъ постахъ внутри отечества: сперва въ провинціи, потомъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ. Въ этой исполняете вы многотрудныя обязанности, соединенныя съ этою должностью и участвуете въ различныхъ реформахъ по внутреннему управленію, которыми такъ обильно было царствованіе императора Александра II».

«Наступаетъ новая борьба Россіи съ Турціей. Подписывается Санъ-Стефанскій договоръ, и Царь, призывая васъ вновь на

служеніе за границею, отправляетъ васъ на давно знакомый вамъ Востокъ».

«Живо помню я прекрасный, весенній, майскій день 1878 года, когда мы вышли, съ А. И. Нелидовымъ во главѣ, на пристань Топхане, встрѣтить васъ, облеченнаго въ высшее дипломатическое званіе».

«Вторичное пребываніе ваше на Босфорѣ, о которомъ вы любите вспоминать съ удовольствіемъ, ознаменовалось заключеніемъ вами трактата съ Портою. Пробывъ на этотъ разъ немного болѣе года въ Константинополѣ, вы отправились на новый боевой постъ — въ Лондонъ».

Тамъ, вѣроятно, какъ говоритъ вашъ великій однокашникъ-поэтъ:

. . . . вашъ взоръ
Прилежно разобралъ сей двойственный соборъ.
Здѣсь натискъ пламенный, а тамъ отпоръ суровый,
Пружины смѣлыя гражданственности новой.

«Скучая, можетъ быть, надъ Темзою скупой[1]), задумали вы плыть далѣ.... и приплыли благополучно къ живописнымъ берегамъ der blauen Donau.... По мутнымъ водамъ этой быстро текущей рѣки искусно ведете вы, какъ опытный кормчій, 12 лѣтъ уже, Русскую ладью, не взирая на знаменитые Дунайскіе подводные камни, мѣстные туманы и случающіяся, по временамъ, ненастья»....

«За время вашего здѣсь пребыванія, Русское правительство пріобрѣло себѣ палаты, а въ близкомъ будущемъ, съ помощью Божіею, Русскіе и православные будутъ имѣть монументальный храмъ. На Дунайскихъ же берегахъ застаетъ васъ и сегодняшній день».

«Не мнѣ, князь, скромному сотруднику вашему, углубляться въ оцѣнку вашей государственной дѣятельности. Она уже краснорѣчиво оцѣнена тремя царями!»

---

[1]) Посланіе кн. Н. Б. Юсупову.

«Я же могу только повторить за поэтомъ:

Вы честью почести стяжали,
Безъ посторонняго участья.
Вы, запыхавшись, не бѣжали
За прыткой колесницей счастья,
Чтобъ за подножку, на авось,
Рукою жадной уцѣпиться! [1])

«Вотъ гг., въ короткихъ словахъ, пятидесятилѣтнее прошлое нашего юбиляра».

«Позвольте мнѣ теперь, князь, перейти къ другой сторонѣ вашей дѣятельности, которою вы отличаетесь отъ большинства вашихъ сослуживцевъ, и сказать о ней здѣсь присутствующимъ нѣсколько словъ».

«Съ самыхъ юныхъ лѣтъ, привыкли вы посвящать досуги ваши различнымъ научнымъ занятіямъ. Сойдя со школьной скамьи, т. е. въ ту пору, когда молодые люди обыкновенно бросаютъ книги и науку подъ столъ, вы пробуете изучать древне-Еврейскій языкъ; затѣмъ, въ первое пребываніе ваше въ Константинополѣ, вы интересуетесь археологіею, нумизматикою, и составляете весьма цѣнную коллекцію Византійскихъ монетъ. Переѣхавъ же въ Россію, вы предаетесь уже серьезно занятію отечественною исторіею и родословіемъ. Цѣлые ящики вашихъ шкафовъ наполнены богатымъ историческимъ матеріаломъ, вами собраннымъ и жаждущимъ увидѣть свѣтъ. Занимаясь недавно, подъ вашимъ руководствомъ новымъ изданіемъ составленнаго вами 20 лѣтъ тому назадъ родословнаго сборника, я имѣлъ случай видѣть то обиліе статей, замѣтокъ, историческихъ справокъ, которое разсѣяно въ нашихъ періодическихъ журналахъ, подъ скромными вашими иниціалами. Въ послѣднее время, эпоха Французской революціи составляетъ предметъ вашего изученія, и вы обогатили Французскую историческую литературу весьма цѣнными

[1]) Посланіе кн. Вяземскаго Д. Н. Блудову.

изслѣдованіями. Такимъ образомъ, съ молоду и до сихъ поръ никогда не оставались вы безъ какого-либо научнаго занятія и, несмотря на двукратное пребываніе ваше на Востокѣ, не заразились вы любовью къ кейфу».

«Не могу удержаться, чтобы не примѣнить еще разъ къ вамъ восклицаніе Пушкина, обращенное къ современному ему Русскому просвѣщенному вельможѣ:

. . . . Ступивъ за вашъ порогъ,
Я вдругъ переношусь во дни Екатерины.
Книгохранилище, кумиры и картины свидѣтельствуютъ мнѣ,
Что благосклонствуете вы Музамъ въ тишинѣ. . . .
И не участвуя въ волненіяхъ мірскихъ,
Порой насмѣшливо въ окно глядите вы на нихъ
И видите лишь оборотъ во всемъ кругообразный. . . . *)

«На этой цитатѣ одного изъ лучшихъ посланій Пушкина я кончу».

«Я не хотѣлъ и не смѣлъ произносить вамъ, князь, панегирика. Я попробовалъ лишь, какъ умѣлъ, въ самыхъ общихъ чертахъ напомнить сегодня здѣсь присутствующимъ о пятидесятилѣтнемъ прохожденіи вами государственной службы въ связи съ учеными вашими занятіями».

«Простите мнѣ, князь, мою неискусную рѣчь и позвольте въ заключеніе выразить вамъ наше общее пожеланіе: чтобы начавшееся служеніе ваше четвертому Русскому Царю было также плодотворно, какъ и предшествовавшее, на какой бы постъ ни призвало васъ довѣріе молодого нашего Монарха!»

Послѣднія слова этой рѣчи намекали на существовавшіе въ то время повсемѣстно толки, что князю Лобанову предстояло сдѣлаться преемникомъ Н. К. Гирса, силы котораго быстро ослабѣвали подъ вліяніемъ

*) Посланіе кн. Н. Б. Юсупову.

подтачивавшаго его тяжкаго недуга. Поэтому, велико было общее изумленіе, когда узнали, что 6-го Января 1895 г. князь былъ перемѣщенъ нашимъ посломъ въ Берлинъ. Лично такое передвиженіе не могло его прельщать. Проведя столько лѣтъ въ Вѣнѣ, завязавъ тамъ самыя дружественныя связи въ высшемъ обществѣ, онъ не хотѣлъ покидать этого гостепріимнаго города, тѣмъ болѣе, что всякое перемѣщеніе было для него крайне затруднительно изъ-за перевозки его богатыхъ коллекцій и библіотеки, состоявшей изъ восьми тысячъ томовъ.

Но, князь Лобановъ былъ всегда преданнымъ слугою Царя и привыкъ ставить ни во что вопросы о своемъ личномъ удобствѣ, а потому, получивъ предложеніе о переводѣ въ Берлинъ, немедленно отвѣчалъ г. Гирсу слѣдующею телеграммою: «Quelles qu'elles soient mes convenances personnelles, mon dévouement à l'Empereur m'impose le devoir d'accepter le poste que Sa Majesté daigne m'offrir».

Однако, князю Лобанову не привелось остаться нашимъ представителемъ при Берлинскомъ дворѣ: 14-го Января 1895 г. скончался Н. К. Гирсъ, 26-го Февраля Государю угодно было призвать князя Лобанова къ управленію Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, а 6-го Марта онъ былъ назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ.

V.

Назначеніе князя Лобанова министромъ было одинаково привѣтствовано и за границею, и въ Россіи, за границею даже болѣе, такъ какъ, надо сознаться, тамъ болѣе знали и цѣнили князя, чѣмъ у насъ.

У насъ, что̀ грѣха таить, сложился довольно своеобразный критерій для оцѣнки работъ того или другого дѣятеля. По ходячимъ понятіямъ, высокопоставленное лицо должно не только направлять дѣятельность ввѣреннаго ему учрежденія, но само обязано входить во всѣ подробности, во всѣ мелочи, чуть-ли не само запечатывать пакеты. Лица, не удовлетворяющія такимъ требованіямъ, подвергаются обвиненію въ лѣности. Не избѣгъ подобной участи и князь Лобановъ, такъ какъ ничто не было такъ противно складу его характера какъ вмѣшиваться въ мелочи: для главы посольства или министерства нужно, по его понятію,

сохранять за собою лишь общее руководство, намѣчать лишь главные штрихи, дающіе ясное понятіе объ основной идеѣ, которая никогда не должна теряться изъ виду; раскраска же фона и выписка деталей — это не дѣло министра, такъ какъ, поступая иначе, онъ неминуемо потонетъ въ морѣ подробностей и, изъ пристрастія къ второстепенному упуститъ главное, не говоря уже о томъ, что министру нѣтъ даже физической возможности самому передѣлать все дѣло и крупное, и мелкое.

Изъ всего, что сдѣлалъ князь Алексѣй Борисовичъ въ теченіе своей жизни, легко заключить, какъ неосновательно было существовавшее между нѣкоторыми лицами мнѣніе о мнимой лѣности этого государственнаго человѣка, умѣвшаго лишь распредѣлять свой день, при чемъ работа служебнаго характера чередовалась съ научными занятіями; одно не мѣшало другому, и оставалось еще время на исполненіе свѣтскихъ обязанностей, такъ какъ не слѣдуетъ забывать, что въ обществѣ, въ салонѣ, князь умѣлъ быть столь же увлекательнымъ собесѣдникомъ, очаровывавшимъ всѣхъ и каждаго неотразимымъ своимъ обаяніемъ, какъ и серьезнымъ дѣятелемъ въ тиши своего кабинета или за зеленымъ столомъ дипломатіи.

Вступая въ исполненіе своихъ новыхъ, высокихъ обязанностей, князь Лобановъ, въ совершенствѣ вла-

дѣвшій искусствомъ (и крайне труднымъ) дипломатіи, приносилъ съ собою не только глубокій и прозорливый государственный умъ, политическій тактъ и самостоятельность взглядовъ, позволявшую ему не уклоняться отъ отвѣтственности за выражаемыя мнѣнія и сужденія, но и драгоцѣнный дипломатическій и историческій опытъ — знаніе особенностей Русской политики на Западѣ и на Востокѣ, личное знакомство съ большинствомъ дѣятелей иностранныхъ кабинетовъ и, наконецъ (качество, котораго не доставало его предшественникамъ), знаніе Россіи, внутреннихъ условій ея быта и существованія.

Предлежавшая князю Лобанову трудная задача была облегчена тѣмъ прочнымъ основаніемъ, которое было заложено политикою Царя-Миротворца, съ памятью о которомъ неразрывны для Русскаго сердца самые дорогіе завѣты: любовь къ родной землѣ, вѣра въ силу, разумъ и самобытность народа Русскаго.

Князь Лобановъ неоднократно называлъ себя лишь продолжателемъ политики Александра III, который въ иностранныхъ сношеніяхъ вернулъ отечеству полную свободу, порвалъ прежнія стѣснительныя обязательства, искреннимъ миролюбіемъ пріобрѣлъ всеобщее довѣріе и любовь и, наперекоръ старымъ преданіямъ, сблизился съ республиканскою Франціею, установивъ съ нею дружественныя связи. Царственною рукою

приподнялъ Онъ завѣсу грядущаго и показалъ путь, слѣдуя которымъ Россія будетъ могуча и счастлива. Путь этотъ — политика проникнутая народнымъ духомъ, первою себѣ обязанностью поставляющая заботу о пользахъ и достоинствѣ нашего отечества.

Воздавая должное мудрой прозорливости Царя, завѣтамъ котораго слѣдуетъ и его юный Преемникъ, необходимо замѣтить, что, несмотря на то, что путь былъ указанъ и цѣль намѣчена, тѣмъ не менѣе трудна и отвѣтственная роль министра иностранныхъ дѣлъ, ближайшаго помощника Государя, такъ какъ исключительно на немъ лежитъ обязанность изыскать способы къ достиженію намѣченной цѣли. Затѣмъ, на его же обязанности внимательно слѣдить, чтобы за предѣлами Россіи не произошло ничего могущаго нанести нашему отечеству ущербъ, и своевременно принимать мѣры къ отвращенію вредныхъ послѣдствій при наступленіи событій, затрогивающихъ наши интересы. Самое искреннее миролюбіе не дозволяетъ, однако, безучастно относиться къ подобнымъ событіямъ, такъ какъ добровольное устраненіе себя отъ всякаго на нихъ воздѣйствія могло бы лишь умалить значеніе Россіи, какъ міровой державы.

Къ такого рода событіямъ, безспорно, принадлежало, совпавшее съ назначеніемъ князя Лобанова въ министры, заключеніе Симоносекскаго мира, по кото-

рому раздавленный Китай согласился на всѣ условія, предъявленныя ему счастливымъ побѣдителемъ и которыя, будучи осуществлены, радикально измѣнили бы къ нашей невыгодѣ нынѣшнее соотношеніе государствъ на крайнемъ Востокѣ. Сосѣдняя, тяготѣющая къ намъ, Корея очутилась бы въ тискахъ между островными и континентальными владѣніями Японіи и тѣмъ самымъ была бы осуждена на совершенное поглощеніе «Азіятскими Англичанами». Утвержденіе Японцевъ на Ліа-Тонгскомъ полуостровѣ, въ непосредственномъ почти сосѣдствѣ съ столицею Китая, повлекло бы за собою не только умаленіе, но, по всей вѣроятности, даже полное исчезновеніе самостоятельности Срединной Имперіи, съ которою насъ соединяетъ столько общихъ интересовъ. Кромѣ того, утвержденіе Японцевъ на материкѣ было бы для насъ невыгодно, такъ-какъ, во-первыхъ, владѣя обоими берегами Татарскаго пролива, они создали бы тамъ для насъ новый Босфоръ, а, во-вторыхъ, пріобрѣли бы преобладающее значеніе въ Манджуріи и Монголіи, въ мѣстностяхъ, сопредѣльныхъ нашей строящейся великой Сибирской желѣзной дорогѣ, сооруженіе которой, по выраженію покойнаго Государя, есть «истиннонародное дѣло» и представляетъ для насъ первостепенную государственную важность.

Моментъ былъ въ высшей степени серьезный; нужно было дѣйствовать твердо и рѣшительно, такъ

какъ малѣйшее послабленіе могло пагубно отозваться для Россіи на крайнемъ Востокѣ, нанося ей ущербъ на многіе годы. Миролюбіе же князя Лобанова не простиралось до смиренія во чтò бы то ни стало, до отреченія, изъ-за страха войны, отъ той роли, которая неотъемлемо принадлежитъ великой державѣ, не отступающей, въ случаѣ нужды, и предъ силою оружія, чтобы оградить свои права и пользы отъ чужихъ поползновеній.

Россія рѣшила не признавать условій Симоносекскаго договора; но, дабы заставить Японцевъ отказаться отъ выговоренныхъ уже материковыхъ пріобрѣтеній, безъ того чтобы мы должны были прибѣгнуть къ ultimo ratio, князь Лобановъ употребилъ всѣ усилія для пріобщенія и другихъ державъ къ дѣйствію Россіи по этому вопросу. Тутъ-то и проявилось его чрезвычайное дипломатическое искусство, такъ какъ, благодаря его стараніямъ, съ нами за одно оказались Франція и Германія, которыхъ, казалось, трудно было бы заставить одинаковымъ образомъ смотрѣть на одинъ и тотъ же вопросъ. Однако, князь успѣлъ въ этомъ: Германія и Франція поддержали заявленіе, сдѣланное правительству Микадо, что Россія не допуститъ ни присоединенія къ Японіи какой-либо части Китайскихъ владѣній на Азіятскомъ материкѣ, ни малѣйшаго посягательства на независимость Кореи.

Какъ теперь помню впечатлѣніе, произведенное на Русское общество статьею по Японскимъ дѣламъ офиціознаго органа Министерства Иностранныхъ Дѣлъ «Journal de St. Pétersbourg»[1]), тономъ своимъ такъ рѣзко отличавшеюся отъ обычныхъ сообщеній этой газеты. Какъ-то сразу почувствовалось, что можно быть спокойнымъ за будущее и что не будетъ упущено ничто въ смыслѣ охраны Русскихъ интересовъ. Въ воздухѣ какъ бы пронеслась живительная струя весны, подъ дыханіемъ которой все обѣщало развернуться, дать пышный ростокъ.

Вотъ вкратцѣ содержаніе этой статьи. Сначала, излагался взглядъ Русскаго правительства на возможныя послѣдствія Симоносекскаго договора, конечнымъ результатомъ котораго было бы возбужденіе, изъ-за Японскаго честолюбія, вопроса о равновѣсіи на крайнемъ Востокѣ, вопроса, къ которому Европа не можетъ относиться равнодушно. Сношенія Европейскихъ державъ съ этою частью Азіи возрастаютъ ежедневно. Не только для сосѣдственной Россіи, но и для Франціи съ ея колоніями въ Индо-Китаѣ, безусловно необходимо устранить отъ своихъ границъ всякіе постоянные поводы къ затрудненіямъ въ будущемъ. Точно также и Германія слишкомъ заинтересо-

---

[1]) 21-го Апрѣля 1895 года.

вана развитіемъ своихъ торговыхъ сношеній съ этими краями, чтобы относиться безучастно къ такому положенію тамъ дѣлъ, которое, заключая въ себѣ самомъ элементы смуты, безпрерывно угрожало бы ея интересамъ и нарождающимся тамъ Германскимъ учрежденіямъ, а такой исходъ былъ бы неминуемъ въ случаѣ, если бы Японцы утвердились на материкѣ и, принеся съ собою духъ завоеваній, вызвали бы къ себѣ ненависть со стороны нынѣшняго населенія этихъ странъ. Желаніе лишить Японію плода ея побѣдъ вовсе не входитъ въ намѣренія трехъ державъ, «qui ont fait connaître leurs vues à Tokio et sauront les faire respecter». Но, въ данномъ случаѣ, для Японіи обязательно сообразоваться съ основными началами, на которыхъ покоится общее дѣйствіе (concert) цивилизованныхъ народовъ. Эти основныя начала требуютъ, чтобы каждое государство, отстаивая свои законные интересы, подчиняло ихъ въ извѣстной степени интересу общему, и требованіе это, заключающее въ себѣ гарантію всеобщаго мира, получало тѣмъ большее примѣненіе, чѣмъ солидарнѣе становились, подъ вліяніемъ успѣховъ труда и просвѣщенія, взаимные интересы народовъ. Россія, въ частности, дала вѣскія доказательства своего желанія дѣйствовать въ такомъ смыслѣ, и такъ какъ и въ будущемъ она твердо рѣшилась слѣдовать тѣмъ же путемъ, то тѣмъ болѣе сознаетъ она свое

право требовать и отъ другихъ умѣренности, которой она, первая, подала примѣръ.

Подъ давленіемъ трехъ могущественныхъ державъ правительство Микадо уступило и обязалось не настаивать на присоединеніи къ Японіи Ліа-Тонгскаго полуострова.

Наградою князю Лобанову было собственноручное письмо къ нему Государя, въ которомъ, въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ, характеризовался образъ дѣйствій князя въ этомъ вопросѣ, при чемъ свидѣтельствовалось, что исключительно благодаря выказанной имъ твердости и настойчивости были достигнуты, безъ пролитія капли Русской крови, результаты, обезпечивающіе наши интересы на крайнемъ Востокѣ.

Какъ ни великъ былъ первый дипломатическій успѣхъ новаго министра иностранныхъ дѣлъ, но оставалось еще извлечь изъ него практическія послѣдствія, надо было осуществить вытекавшую изъ него выгоду.

Японское правительство ставило исполненіе своихъ обязательствъ въ зависимость отъ уплаты ему Китаемъ денежной контрибуціи, а у Богдыхана средствъ на то не имѣлось. Тогда Россія рѣшила придти спасенному ею Китаю на помощь и матеріально.

При посредничествѣ и за ручательствомъ Россіи, Китайское правительство заключило заемъ въ 400 милліоновъ франковъ, что̀ дало возможность Россіи,

Франціи и Германіи потребовать и добиться отъ Японіи отозванія, безъ проволочекъ, ея войскъ съ Ліа-Тонгскаго полуострова и вообще со всего Азіятскаго материка.

Но, кромѣ этого непосредственнаго результата, гарантія Россіею Китайскаго займа имѣла и другой важный общегосударственный смыслъ. Наше правительство тогда же разъяснило это послѣднее обстоятельство.

«Россія остается въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, вѣрна своей культурной миссіи на Востокѣ и настоящимъ нравственнымъ и фактическимъ содѣйствіемъ обширнѣйшему, смежному съ нами на громадномъ протяженіи, восточному государству въ разрѣшеніи наступившаго для него, въ силу обстоятельствъ, денежнаго затрудненія, сознательно и безкорыстно исполняетъ свою историческую задачу. Это не можетъ не оставить, въ свою очередь, слѣда на благопріятномъ развитіи нашихъ сношеній съ сопредѣльными намъ странами Востока, постоянное возрастаніе которыхъ, съ теченіемъ времени, является неизбѣжнымъ»[1]).

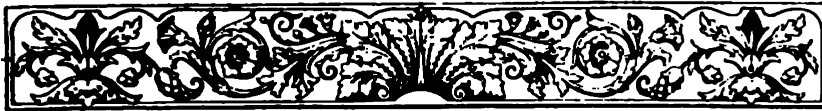
Такимъ образомъ, благодаря обороту, данному настоящему дѣлу, помимо достиженія важныхъ политическихъ результатовъ, было открыто новое обширное поприще для Русскаго труда и капитала, для Русскаго ума и предпріимчивости.

Чтобы покончить съ дѣятельностью князя Лобанова относительно крайняго Востока, слѣдуетъ еще

---

[1]) «Вѣстникъ Финансовъ, Промышленности и Торговли». 1895, № 26, стр. 726.

упомянуть о заключенномъ имъ 27-го Мая 1895 г. трактатѣ о торговлѣ и мореплаваніи между Россіею и Японіей, по которому Россія, въ обмѣнъ за отказъ отъ принадлежавшей ея консульскимъ агентамъ въ Японіи юрисдикціи, пріобрѣла для своей торговли и своихъ подданныхъ значительныя права и преимущества.

VI.

торой важный вопросъ, которымъ предстояло заняться князю Лобанову, былъ вопросъ Армянскій.

Консервативный кабинетъ маркиза Сольсбери началъ, подъ предлогомъ избіенія Армянъ Курдами, настоящій походъ противъ Турціи, имѣвшій цѣлью подчинить султана и Порту строгой опекѣ Европы, при чемъ сама Великобританія вознамѣрилась забрать въ свои руки распоряженіе судьбами Оттоманской имперіи.

Когда князь Лобановъ вступилъ въ управленіе Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, онъ сразу понялъ, что не интересы человѣколюбія лежали въ основѣ дѣйствій Англичанъ, старавшихся увлечь державы къ вмѣшательству во внутреннія дѣла Турціи, выступая въ роли посредниковъ между султаномъ и мятежными Армянскими комитетами, въ самой Англіи

черпавшими себѣ необходимыя имъ матеріальныя средства. Въ данномъ случаѣ, человѣколюбіе могло служить прекрасною ширмою, за которою «просвѣщеннымъ мореплавателямъ» представлялся случай съ большимъ удобствомъ обдѣлать дѣла, ничего общаго съ гуманностью не имѣющія, а именно, оно доставляло одинъ изъ новыхъ способовъ борьбы съ Россіею на почвѣ Восточнаго вопроса, борьбы, конечною цѣлью которой Великобританское правительство поставило вытѣснить вліяніе Россіи съ Востока ближняго и крайняго.

Россія не на словахъ только, но и на дѣлѣ доказала цѣлымъ рядомъ войнъ, какъ горячо защищаетъ она христіанъ отъ насилія мусульманъ. Она точно также сочувствуетъ и Армянамъ, когда они въ самомъ дѣлѣ являются жертвами; но она, равнымъ образомъ, настолько прозорлива, чтобы отличить истину отъ преувеличенія, подкладкою своею имѣющаго умыселъ вызвать замѣшательства, которыя дали бы Армянскому вопросу разростись изъ частнаго въ общій и нынѣ же поставить на очередь роковой Восточный вопросъ во всемъ его грозномъ объемѣ. Искусственное же выдвиганіе этого вопроса, да въ добавокъ съ намѣреніемъ попытаться разрѣшить его въ ущербъ Россіи, конечно, должно вызвать энергичный отпоръ со стороны каждаго Русскаго дѣятеля.

По этому поводу, нелишне возобновить въ памяти мрачное предсказаніе, сдѣланное въ 1879 г. государственнымъ канцлеромъ, княземъ Горчаковымъ, С. С. Татищеву: «Цѣль враждебной Россіи коалиціи всѣхъ безъ исключенія великихъ державъ — замѣнить своимъ протекторатомъ наше покровительство восточнымъ христіанамъ, взять Турцію въ опеку, попытаться возстановить ея могущество, а, въ случаѣ неудачи, обезпечить за собою Турецкое наслѣдство, исключивъ Россію изъ числа участниковъ раздѣла»[1]).

Едва-ли кто нынѣ сомнѣвается въ правѣ Россіи на первенствующую роль въ разрѣшеніи Восточнаго вопроса, разъ онъ назрѣетъ для окончательнаго разрѣшенія. Такъ сложилась исторія, такъ опредѣлились наши отношенія къ Востоку, къ которому Россія тяготѣла съ первыхъ дней своего государственнаго бытія, для приближенія къ которому принесла неисчислимыя жертвы и въ достиженіи котораго полагала главную задачу своей исторической миссіи. Въ виду всего предшествовавшаго, мы не можемъ отказаться отъ первенствующей своей роли, не подвергая риску всего своего будущаго, какъ великаго народа. Болѣе того, въ силу исторической неизбѣжности, мы такъ далеко зашли въ подготовкѣ окончательнаго разрѣ-

---

[1]) Политическое обозрѣніе. «Русскій Вѣстникъ» 1896, № 4.

*

шенія Восточнаго вопроса, что отступить отъ него мы уже не можемъ. Отступленіе было бы возможно лишь при условіи отреченія отъ всякой претензіи на роль великаго народа, т. е. при условіи предварительнаго самоубійства или погибели отъ посторонней силы. Пока же Россія жива, сознаетъ себя великимъ народомъ и хочетъ играть роль, принадлежащую великому народу — до тѣхъ поръ не можетъ быть ни рѣчи, ни мысли объ отступленіи въ Восточномъ вопросѣ. Но, именно по причинѣ этой неразрывной своей связи съ Восточнымъ вопросомъ, Россія не можетъ относиться къ нему слегка, ни ради великой Арменіи, ни ради какихъ-либо другихъ цѣлей, и тѣмъ болѣе не можетъ поощрять игры съ этимъ вопросомъ, затѣянной съ явною цѣлью толкнуть насъ на фальшивый шагъ, который въ настоящемъ парализовалъ бы намъ свободу политическихъ дѣйствій, а въ будущемъ могъ бы создать затрудненія при окончательной ликвидаціи Восточнаго вопроса.

Оставимъ въ сторонѣ, насколько въ интересахъ Россіи было бы содѣйствовать образованію у себя подъ бокомъ автономной провинціи — зародышъ будущаго самостоятельнаго Армянскаго царства, центръ притяженія для собственныхъ областей, населенныхъ Армянами. Но нельзя не остановиться на томъ, что мечтанія Армянъ о созданіи въ Малой Азіи автоном-

ной области не имѣютъ подъ собою реальной почвы, такъ какъ первымъ условіемъ для созданія подобной области долженъ былъ бы быть рѣшительный численный перевѣсъ Армянскаго населенія въ предѣлахъ предположенной области. Въ дѣйствительности же, по самымъ точнымъ вычисленіямъ, главнымъ образомъ основаннымъ на Англійскихъ данныхъ, во всѣхъ девяти Малоазійскихъ вилайетахъ, гдѣ встрѣчаются Армяне, перевѣсъ повсюду принадлежитъ мусульманамъ, которые *впятеро* многочисленнѣе Армянъ[1]).

Опубликованная Англійская Синяя книга позволяетъ намъ ознакомиться съ образомъ дѣйствій князя Лобанова въ Армянскомъ вопросѣ. Уже въ одной изъ первыхъ своихъ бесѣдъ съ Великобританскимъ посломъ, онъ скептически отнесся къ мѣрамъ, предложеннымъ Англіею для умиротворенія Арменіи[2]). Чрезъ полгода, онъ прямо высказалъ, что не раздѣляетъ взглядовъ Сольсбери на Армянское дѣло: «Я не вѣрю въ скорое улучшеніе положенія дѣлъ въ Малой Азіи, потому что слишкомъ сильно еще возбужденіе какъ мусульманъ, такъ и Армянъ, а волненіе среди послѣднихъ — прямое послѣдствіе рѣзкой постановки Армянскаго вопроса; отвѣтственность за такое поло-

---

[1]) «Карта распредѣленія Армянскаго населенія въ Турецкой Арменіи и Курдистанѣ», Зеленаго и Сысоева. Спб. 1895, стр. 22.

[2]) Сэръ Ф. Лассельсъ гр. Кимберлею, 6 (18) Марта 1895.

женіе дѣлъ падаетъ, главнымъ образомъ, на Англію, въ особенности вслѣдствіе поощреній, которыя многіе изъ ея государственныхъ людей расточаютъ Армянскимъ комитетамъ»[1]).

Нѣсколько дней спустя, въ виду безпорядковъ, возникшихъ въ самомъ Константинополѣ, С. Джемскій кабинетъ пригласилъ великія державы условиться сообща о преобразованіяхъ въ Турціи, которыя должны быть навязаны султану. Поддержанное въ Вѣнѣ, предложеніе это встрѣтило рѣшительное противодѣйствіе князя Лобанова. «Угроза вмѣшательства», сказалъ онъ Англійскому повѣренному въ дѣлахъ «только подорветъ авторитетъ султана и приведетъ къ результатамъ, прямо противоположнымъ тѣмъ, которыхъ желаютъ достигнуть». На замѣчаніе г. Гошена, что нельзя же допустить продолженіе Малоазійскихъ ужасовъ, князь возразилъ, что, на основаніи опыта, вынесеннаго имъ во время своего пребыванія на Востокѣ, онъ убѣжденъ, что, подобныя нынѣшнимъ, волненія утихаютъ сами собою, когда враждующіе элементы не ободряются къ продолженію борьбы подстрекательствомъ извнѣ, всякое же вмѣшательство державъ только обезсилитъ султана и еще болѣе возбудитъ Армянъ[2]).

---

[1]) Гошенъ лорду Сольсбери, 23 Октября (4 Ноября) 1895 г.

[2]) Онъ же тому же, 8 (20) Ноября 1895 г.

Дѣйствительно, сохраненіе Европейскаго мира является однимъ изъ высшихъ руководящихъ принциповъ Русской политики; активное же вмѣшательство въ Турецкія дѣла можетъ имѣть послѣдствія, идущія въ разрѣзъ съ этимъ принципомъ.

Установленіе въ Константинополѣ какого-либо кондоминіума державъ было бы самымъ неустойчивымъ и опаснымъ палліативомъ. Военная оккупація Турецкой столицы точно также могла бы привести къ столкновеніямъ между державами и, почти несомнѣнно, въ Европейской войнѣ со всѣми сопровождающими ее бѣдствіями, неизмѣримо болѣе крупными, чѣмъ зло, вытекающее изъ гоненія на Армянъ.

Изъ этого ясно, что для возстановленія сносныхъ порядковъ въ Турціи и для примѣненія въ Армянскихъ вилайетахъ реформъ, относительно которыхъ состоялось между державами соглашеніе въ Октябрѣ 1895 г. и благодаря которымъ были бы обезпечены безопасность христіанскаго населенія и спокойствіе, надлежитъ пользоваться единственною имѣющеюся властью — властью султана, и ее-то слѣдуетъ не расшатывать, а всячески укрѣплять. Державамъ слѣдуетъ поддерживать султана въ его реформаторской дѣятельности и, въ случаѣ надобности, даже оказывать ему матеріальную помощь.

Вѣроятно, приблизительно по такимъ же причинамъ, князь Лобановъ явился противникомъ предло-

женной графомъ Голуховскимъ мѣры — введенія въ Босфоръ и Дарданеллы эскадръ великихъ державъ, на практикѣ не исключавшей возможности насильственнаго прорыва.

Такой прорывъ иностранныхъ эскадръ въ Мраморное море, безъ сомнѣнія, нанесъ бы смертельный ударъ независимости султана и положилъ бы конецъ Турецкому владычеству въ Европѣ.

Въ расчеты Россіи никоимъ образомъ не можетъ входить ускорять естественный ходъ событій и вызывать паденіе Оттоманской имперіи. Наоборотъ, пока султанъ владѣетъ проливами, задача Русской политики, повидимому, должна бы сводиться къ тому, чтобы вселить въ него убѣжденіе, что лишь искренняя дружба съ великою сѣверною державою можетъ уберечь его отъ бурь и что одна Россія въ состояніи быть ему надежнымъ щитомъ отъ всякой внѣшней опасности.

Съ другой стороны, Россія не можетъ допустить захватъ и утвержденіе Англичанъ на берегахъ Босфора и Дарданеллъ, составляющихъ, по выраженію Александра I, ключи отъ нашего дома; и Александръ III, возсоздавая Черноморскій флотъ, ясно выразилъ свою рѣшимость не допускать въ этихъ водахъ никакихъ перемѣнъ въ ущербъ Россіи.

Маркизъ Сольсбери, тѣмъ не менѣе, упорно шелъ къ своей цѣли и, по его приказанію, представители

Англіи при дворахъ великихъ державъ заявили, что, въ виду безсилія султана, подкупности и неспособности его министровъ, а также возможности распространенія волненій на другія страны Балканскаго полуострова, необходимо принять, съ общаго согласія, мѣры къ улучшенію положенія въ Оттоманской имперіи, и средствомъ къ такому улучшенію должно было бы быть образованіе въ Турціи отвѣтственнаго министерства.

Князь Лобановъ и на этотъ разъ отклонилъ предложеніе Англіи, заявивъ, что не сомнѣвается въ благихъ намѣреніяхъ султана, отъ почина котораго только и возможно ожидать перемѣны къ лучшему. Что касается опасности распространенія волненій на другія части Балканскаго полуострова, то Русскій дворъ уже предписалъ представителямъ своимъ въ столицахъ тамошнихъ государствъ настаивать предъ мѣстными правительствами на необходимости охранять и поддерживать спокойствіе въ своихъ предѣлахъ, поставивъ имъ на видъ, что всякое нарушеніе порядка въ этихъ странахъ будетъ строго осуждено Россіею. Попытка же навязать Турціи правительственную систему, отличную отъ нынѣшней, не имѣетъ никакихъ шансовъ успѣха, такъ какъ самъ маркизъ Сольсбери, во время своего пребыванія въ Константинополѣ, ознакомился съ тамошними порядками и потому долженъ хорошо знать,

что парламентъ, народное представительство, отвѣтственное министерство, въ Константинополѣ — это пустыя слова, лишенныя для Турокъ всякаго смысла[1]).

Взглядъ Императорскаго кабинета на положеніе дѣлъ въ Турціи былъ подробно изложенъ въ меморандумѣ, который Русскій посолъ въ Лондонѣ вручилъ маркизу Сольсбери 13 (25) Января 1896 г. Въ этомъ сообщеніи, князь Лобановъ, не отрицая пользы совѣщаній между представителями великихъ державъ въ Константинополѣ, категорически отвергаетъ, какъ нарушеніе 9-й ст. Парижскаго и 63-й ст. Берлинскаго договоровъ, предложенное Великобританіею дѣятельное вмѣшательство во внутреннія дѣла Турціи. Изъ этого, однако, еще не слѣдуетъ, что Россія относится безучастно къ событіямъ въ Турціи, только, она находитъ необходимымъ дать султану время обдумать свои рѣшенія и привести ихъ въ исполненіе; надо поддержать его обаяніе. Это единственный путь, слѣдуя которымъ великія державы могутъ дѣйствительно содѣйствовать возстановленію порядка въ Оттоманской имперіи. Дружественные совѣты ихъ будутъ приняты султаномъ съ тѣмъ большею вѣроятностью, чѣмъ полнѣе установится съ нимъ согласіе.

Столь ясное заявленіе было тѣмъ болѣе непріятно маркизу Сольсбери, что онъ вынужденъ былъ со-

[1]) Гошенъ лорду Сольсбери 3 (15) Января 1896.

знаться, что взгляды Русскаго двора по этому предмету встрѣтили полное одобреніе и сочувствіе большинства великихъ державъ [1]).

Отъ такого взгляда Россія, какъ извѣстно, не отрѣшилась и при всѣхъ послѣдующихъ попыткахъ Англіи, направленныхъ къ прямому вмѣшательству Европы въ Турецкія дѣла.

Исходя изъ такихъ же побужденій, князь Лобановъ отказалъ въ 1896 году въ поддержкѣ предложенія графа Голуховскаго установить обще-европейскую блокаду вокругъ острова Крита.

Послѣдующее развитіе Критскаго вопроса доказало справедливость мнѣній князя, такъ какъ затѣмъ, безъ всякой блокады, прямымъ воздѣйствіемъ пословъ на султана были выговорены кандіотамъ новыя права и преимущества, обращавшія островъ Критъ въ вполнѣ автономную область, что̀, какъ оказалось лишь впослѣдствіи, вовсе не входило въ расчеты Греціи, желавшей не улучшенія участи кандіотовъ, а просто захвата богатаго и плодороднаго острова въ свою собственную пользу.

Общее направленіе дѣятельности князя Лобанова, какъ въ Армянскомъ, такъ и въ Японо-Китайскомъ вопросахъ, сводившееся къ устраненію вмѣшательства Англіи въ отношенія наши къ сосѣдямъ, на всемъ

[1]) Лордъ Сольсбери Гошену 17 (29) Января 1896 г.

пространствѣ отъ Босфора до Тихо-океанскаго прибрежья, было крайне не по сердцу Великобританскому правительству, которое не могло примириться съ мыслью, что проявившіяся съ первыхъ дней царствованія Александра III начала: Русское государственное и народное самосознаніе и отстаиваніе во внѣшней политикѣ правъ и пользъ Россіи, положены во главу угла и Императоромъ Николаемъ II, не могло примириться съ тѣмъ, что Англіи не позволяютъ играть первенствующую роль въ дѣлахъ Востока и давать тамъ просторъ своекорыстнымъ ея вожделѣніямъ.

VII.

Труды историковъ выяснили, на сколько вредно было и Россіи, и Франціи двухвѣковое политическое ихъ соперничество. Здравая политика признала обоюдную пользу искренняго ихъ сближенія. Но къ этимъ соображеніямъ разума присоединился еще третій могучій факторъ — народное чувство, неудержимо влекущее оба народа одинъ къ другому. И оттого-то въ обѣихъ этихъ странахъ былъ взрывъ такого восторга, когда Царь-Миротворецъ рѣшительно протянулъ свою руку республиканской Франціи и тѣмъ создалъ точку отправленія для новыхъ комбинацій, совершенно измѣнившихъ политическія соотношенія между Европейскими державами.

Дѣйствуя въ томъ же направленіи, князь Лобановъ сдѣлалъ много, какъ для развитія дружественныхъ отношеній съ Европейскими державами вообще, такъ и для завершенія сближенія съ Франціей, соста-

въ 1895 году въ Петербургъ депутацію, съ митрополитомъ Климентомъ во главѣ, для возложенія на гробницу Александра III вѣнка съ надписью «Цареевичу-полководцу, Царю-Миротворцу вѣчно признательный Болгарскій народъ».

Принимая депутацію, князь Лобановъ объявилъ, что сердце Русскаго Царя, по прежнему, полно благоволенія къ народу Болгарскому, но что для возстановленія сношеній съ Болгаріей мало словъ, нужно дѣло; нужно, чтобы и народъ и правители его выразили ясно, безповоротно и торжественно рѣшимость свою порвать съ заблужденіями прошлаго и снова поставить Болгарію на путь развитія въ духѣ основныхъ историческихъ началъ ея народности и вѣры.

Болгары поняли, что наилучшимъ доказательствомъ ихъ искренности было бы присоединеніе къ Православію наслѣдника престола, Бориса, которое, въ будущемъ, обезпечило бы Болгаріи православную династію.

Принцъ Фердинандъ, первымъ дѣломъ котораго, послѣ паденія Стамбулова, было отмѣнить всѣ мѣры и распоряженія, направленныя къ отчужденію Болгаріи отъ Россіи, уступилъ единодушному желанію своего народа и согласился на присоединеніе старшаго своего сына къ Православію.

Князь Лобановъ знавалъ принца Фердинанда задолго до избранія его на Болгарскій престолъ, цѣнилъ

его личныя качества, его тонкій государственный умъ, а, потому, не усомнился въ искренности его словъ, обращенныхъ къ народнымъ представителямъ, что «отнынѣ онъ порываетъ всѣ связи съ Западомъ и взоръ свой, полный надежды и любви, обращаетъ на впервые занимающуюся для него свѣтлую зарю со стороны Востока».

Мvропомазаніе князя Бориса совершилось 2 Февраля 1896 г. Государю Императору угодно было быть его воспріемникомъ. За этимъ событіемъ, сопровождавшимся признаніемъ Европою принца Фердинанда Болгарскимъ княземъ и путешествіемъ его въ Петербургъ, послѣдовало возстановленіе сношеній съ освобожденнымъ нами Славянскимъ княжествомъ, и Россія, на зло всѣмъ козням ея враговъ, вернулась въ Болгарію и снова заняла тамъ подобающее ей мѣсто.

Такъ просто и быстро развязались всѣ Болгарскія затрудненія; Славянофилы же, такъ въ началѣ опасавшіеся князя Лобанова, не могли не признать плодотворность его политики, такъ какъ съ того дня [illegible] Русское вліяніе водворилось въ Бѣлградѣ и Софіи и прекратилась рознь между южными Славянами, возстановилось между ними согласіе, нагляднымъ доказательствомъ котораго послужили недавнія братанія Сербовъ съ Болгарами, Черногорцевъ съ Сербами.

въ 1895 году въ Петербургъ депутацію, съ митрополитомъ Климентомъ во главѣ, для возложенія на гробницу Александра III вѣнка съ надписью «Царевичу-полководцу, Царю-Миротворцу вѣчно признательный Болгарскій народъ».

Принимая депутацію, князь Лобановъ объявилъ, что сердце Русскаго Царя, по прежнему, полно благоволенія къ народу Болгарскому, но что для возстановленія сношеній съ Болгаріей мало словъ, нужно дѣло; нужно, чтобы и народъ и правители его выразили ясно, безповоротно и торжественно рѣшимость свою порвать съ заблужденіями прошлаго и снова поставить Болгарію на путь развитія въ духѣ основныхъ историческихъ началъ ея народности и вѣры.

Болгары поняли, что наилучшимъ доказательствомъ ихъ искренности было бы присоединеніе къ Православію наслѣдника престола, Бориса, которое, въ будущемъ, обезпечило бы Болгаріи православную династію.

Принцъ Фердинандъ, первымъ дѣломъ котораго, послѣ паденія Стамбулова, было отмѣнить всѣ мѣры и распоряженія, направленныя къ отчужденію Болгаріи отъ Россіи, уступилъ единодушному желанію своего народа и согласился на присоединеніе старшаго своего сына къ Православію.

Князь Лобановъ знавалъ принца Фердинанда задолго до избранія его на Болгарскій престолъ, цѣнилъ

его личныя качества, его тонкій государственный умъ, а, потому, не усомнился въ искренности его словъ, обращенныхъ къ народнымъ представителямъ, что «отнынѣ онъ порываетъ всѣ связи съ Западомъ и взоръ свой, полный надежды и любви, обращаетъ на впервые занимающуюся для него свѣтлую зарю со стороны Востока».

Мνропомазаніе князя Бориса совершилось 2 Февраля 1896 г. Государю Императору угодно было быть его воспріемникомъ. За этимъ событіемъ, сопровождавшимся признаніемъ Европою принца Фердинанда Болгарскимъ княземъ и путешествіемъ его въ Петербургъ, послѣдовало возстановленіе сношеній съ освобожденнымъ нами Славянскимъ княжествомъ, и Россія, на зло всѣмъ littlekозням ея враговъ, вернулась въ Болгарію и снова заняла тамъ подобающее ей мѣсто.

Такъ просто и быстро развязались всѣ Болгарскія затрудненія; Славянофилы же, такъ въ началѣ опасавшіеся князя Лобанова, не могли не признать плодотворность его политики, такъ какъ съ того дня какъ Русское вліяніе водворилось въ Бѣлградѣ и Софіи, прекратилась рознь между южными Славянами, возстановилось между ними согласіе, нагляднымъ доказательствомъ котораго послужили недавнія братанія Сербовъ съ Болгарами, Черногорцевъ съ Сербами.

За время управленія княземъ Лобановымъ Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, Россія впервые вступила въ офиціальныя сношенія съ Абиссиніей, приславшею въ Петербургъ свое посольство для принесенія поздравленій негуса Менелика II-го Государю Императору по случаю восшествія Его на престолъ. Посольство это, имѣвшее во главѣ принца Дамто, двоюроднаго брата Негуса, было принято Государемъ и встрѣтило въ здѣшнемъ обществѣ радушный пріемъ.

Абиссинія, клиномъ вдающаяся между Египтомъ и Африканскими владѣніями Англіи и смежная съ Краснымъ моремъ, представляющимъ нынѣ такой интересъ для морскихъ державъ, важна даже вслѣдствіе одного своего географическаго положенія. Но древнее государство это, успѣшно отстаивающее свою независимость отъ натиска одной изъ державъ, входящихъ въ составъ союза, заключеннаго, по мысли его создателя, прямо противъ Россіи, представляетъ для насъ неменьшую важность въ чисто-политическомъ отношеніи, въ смыслѣ новаго опорнаго пункта нашего воздѣйствія.

Этихъ соображеній достаточно, чтобы понять, почему Россія — общепризнанная, въ добавокъ, защитница Православія — сочувственно отнеслась къ призыву родственной ей по вѣрѣ страны, затерянной въ пустыняхъ Африки и тѣмъ не менѣе, въ теченіе столь-

кихъ вѣковъ, успѣвшей, не смотря на многочисленныя внѣшнія опасности, отбиться отъ своихъ враговъ и сохранить свою религію и самобытность.

Неусыпные труды князя Лобанова на пользу Россіи лучше всего охарактеризованы Высочайшимъ рескриптомъ, при которомъ ему были пожалованы брилліантовые знаки ордена Св. Апостола Андрея Первозваннаго, 17 Мая 1895 г., когда наступило офиціальное празднованіе юбилея пятидесятилѣтія служенія его отечеству. Приводимъ этотъ историческій документъ in extenso:

«Князь Алексѣй Борисовичъ. Полвѣка тому назадъ, по окончаніи курса наукъ въ Императорскомъ Александровскомъ Лицеѣ, поступивъ въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, вы съ молодыхъ еще лѣтъ обратили на себя Монаршее вниманіе и въ 1859 г. были назначены Россійскимъ посланникомъ при Оттоманской Портѣ. Перейдя за симъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ и состоя въ теченіе 11 лѣтъ товарищемъ министра, вы нѣсколько разъ управляли означеннымъ министерствомъ и принимали самое дѣятельное участіе въ разработкѣ многосложныхъ законодательныхъ вопросовъ, въ томъ числѣ по переустройству губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій и по составленію Городоваго Положенія. Съ неутомимымъ рвеніемъ отдаваясь служебной дѣятельности, вы находили возможнымъ посвящать свои досуги научнымъ изслѣдованіямъ, при чемъ труды ваши по собранію историческихъ матеріаловъ доставили вамъ среди цѣнителей науки заслуженную извѣстность.

«Блестящія дарованія ваши и пріобрѣтенная въ разнообразныхъ государственныхъ дѣлахъ обширная опытность послужили

къ послѣдовательному возложенію на васъ высокихъ обязанностей по званію чрезвычайнаго и полномочнаго посла: въ 1878 году при е. в. султанѣ, въ 1879 году при е. в. королевѣ соединенныхъ королевствъ Великобританіи и Ирландіи и императрицѣ Индіи, а три года спустя — при е. в. императорѣ Австрійскомъ, королѣ Венгерскомъ. Какъ въ дѣлахъ внутренняго управленія, такъ равно и на дипломатическомъ поприщѣ вы не переставали оказывать важныя услуги Престолу и Отечеству. Снискавъ себѣ общее сочувственное уваженіе и слѣдуя Монаршимъ указаніямъ, вы успѣшно содѣйствовали упроченію тѣсной, на взаимномъ довѣріи основанной, дружбы съ иностранными державами. Съ тѣмъ вмѣстѣ, неуклонно стоя на стражѣ Русской чести, вы неоднократно имѣли случай выказать соотвѣтствовавшую обстоятельствамъ стойкость въ преслѣдованіи намѣченныхъ цѣлей. Означенныя доблестныя заслуги ваши пріобрѣли вамъ полное благорасположеніе Моихъ незабвенныхъ Дѣда и Родителя. По кончинѣ статсъ-секретаря Гирса, призвавъ васъ на отвѣтственный постъ министра иностранныхъ дѣлъ, Я руководился убѣжденіемъ, что найду въ васъ просвѣщеннаго и преданнаго сотрудника, вполнѣ подготовленнаго продолжать миролюбивую и прямодушную политику Нашу, направленную къ поддержанію дружественныхъ со всѣми державами отношеній, къ уваженію права и законнаго порядка и къ охраненію непоколебимаго достоинства Имперіи. Вашъ государственный умъ, ваша горячая приверженность къ пользамъ Россіи служатъ Мнѣ въ этомъ лучшимъ ручательствомъ».

«Нынѣ, по случаю исполнившагося пятидесятилѣтняго достохвальнаго служенія вашего, Я считаю отраднымъ долгомъ выразить вамъ Мою душевную благодарность, въ изъявленіе коей жалую вамъ препровождаемые при семъ бриллiантовые знаки ордена Св. Апостола Андрея Первозваннаго. Пребываю къ вамъ навсегда неизмѣнно благосклонный и искренно благодарный Николай».

VIII.

Съ юношескимъ жаромъ отдаваясь всѣмъ существомъ своимъ работѣ на пользу отчизны, князь Лобановъ не щадилъ на то ни физическихъ, ни духовныхъ своихъ силъ. Онъ пламенѣлъ въ исполненіи своихъ обязанностей. Точно что-то таинственное подсказало ему, что недолго придется ему быть во главѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и онъ спѣшилъ воспользоваться этимъ короткимъ срокомъ, чтобы привести въ исполненіе все, что роилось въ его головѣ, когда онъ еще не былъ ближайшимъ сотрудникомъ Царя по направленію высшей нашей политики. Онъ, этотъ титанъ мысли, хотѣлъ поскорѣе осуществить ту программу, которая у него сложилась уже давно, когда онъ былъ вдали отъ Петербурга.

Кратковременная дѣятельность его за время восемнадцатимѣсячнаго управленія Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, при чемъ онъ неуклонно слѣдовалъ

принципу — suaviter in modo, fortiter in re, представляетъ собою рядъ непрерывныхъ успѣховъ, залогомъ которыхъ, во многомъ, служило то, что онъ твердо зналъ, чего хотѣлъ. Въ его свѣтломъ умѣ, умудренномъ долгимъ опытомъ, гнѣздились обширные замыслы, которые онъ умѣлъ осуществлять постепенно, тщательно подготовляя предварительно каждую подробность, каждый шагъ, такъ что, при всякомъ новомъ его дипломатическомъ успѣхѣ, со стороны казалось, что всѣ бывшія до того препятствія и затрудненія развязались какъ бы сами собою и что достигнутый результатъ являлся такимъ естественнымъ, что иного результата даже и быть не могло. Все, казалось, было такъ просто, какъ просто все геніальное.

Эта кажущаяся простота давала поводъ недоброжелателямъ князя говорить, что причиною его успѣховъ была лишь удача, слѣпое счастье. На такое мнѣніе, конечно, можно было бы возразить отповѣдью знаменитаго Суворова тѣмъ, кто такимъ же образомъ объяснялъ его побѣды: «все счастье да счастье, нужно же когда нибудь и умѣнье».

Князю Лобанову были извѣстны подобные желчные о немъ отзывы, но онъ относился къ нимъ очень добродушно и вспоминалъ въ такихъ случаяхъ кардинала Мазарина, который каждый разъ, что его про-

сили за кого нибудь, неизмѣнно перебивалъ говорившаго вопросомъ на своемъ французско-итальянскомъ языкѣ: «est-il houreux?» и, если ему подтверждали удачливость рекомендуемаго кандидата, онъ безъ малѣйшаго колебанія предоставлялъ ему просимую должность, не справляясь даже, имѣетъ-ли онъ на то право по своему образованію или происхожденію. Къ этому князь прибавлялъ съ улыбкою: «Если я достигаю успѣха только благодаря тому, что мнѣ везетъ, то и слава Богу! Для Россіи важенъ результатъ, и не все-ли равно, если онъ получается только благодаря моему личному счастью?»...

Врагъ всякой ломки, князь Лобановъ сохранилъ при себѣ всѣхъ сотрудниковъ своего предшественника. Единственною его реформою въ центральныхъ установленіяхъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ было измѣненіе штатовъ Азіятскаго департамента, доказывающее, съ какою чуткостью и особою заботливостью желалъ онъ поставить въ условія, болѣе отвѣчающія современнымъ требованіямъ, лицъ, служащихъ въ этомъ департаментѣ, призванномъ быть однимъ изъ крупныхъ орудій въ дѣлѣ охраненія самыхъ жизненныхъ интересовъ Россіи на Востокѣ.

Въ справедливомъ вниманіи къ особымъ условіямъ дѣятельности Азіятскаго департамента, усложнившейся вслѣдствіе существеннаго развитія, которое получили

за послѣдніе годы наши отношенія къ Востоку, и желая предоставить возможность удерживать въ этомъ департаментѣ, — требующемъ подбора лицъ, обладающихъ совершенно-особою подготовкою, — людей свѣдущихъ, а также и привлекать въ него необходимыхъ ему спеціалистовъ, князь добился, законодательнымъ путемъ, крупнаго повышенія окладовъ содержанія чиновниковъ, служащихъ въ Азіятскомъ департаментѣ.

Вообще, въ своихъ отношеніяхъ къ подчиненнымъ князь Лобановъ представлялъ собою образецъ начальника: требуя отъ нихъ серьезной работы, примѣръ которой онъ подавалъ самъ, онъ съ ними всегда былъ ровенъ, доступенъ, утонченно-вѣжливъ, при всей своей всегдашней сдержанности, которая была въ его характерѣ и отъ которой онъ отрѣшался не сразу, а по мѣрѣ самого тщательнаго изученія приближавшагося къ нему человѣка. За то, когда его сдержанность исчезала, тогда можно было видѣть, до какой степени, подъ внѣшнею холодною оболочкою, былъ онъ сердеченъ, добръ и неизмѣненъ въ своихъ привязанностяхъ.

Князь не любилъ въ дѣловыхъ сношеніяхъ входить въ мелочи, рѣшенія свои высказывалъ въ выраженіяхъ ясныхъ, не допускающихъ недомолвокъ и, ради облегченія отвѣтственности исполнителей его

приказаній, зачастую прибѣгалъ, при рѣшеніи особо-сложныхъ дѣлъ, къ письменнымъ резолюціямъ, исписывая иногда при этомъ собственноручно цѣлыя страницы.

Характерною также чертою его нрава была мысль, постоянно его преслѣдовавшая, какъ бы случайно не нарушить справедливости, даже по отношенію къ людямъ по тѣмъ или инымъ причинамъ ему несимпатичнымъ, такъ какъ онъ никогда не хотѣлъ примѣшивать къ дѣлу своихъ личныхъ симпатій и антипатій.

Князь Лобановъ пользовался всегда завиднымъ здоровьемъ. Серьезно онъ боленъ былъ лишь въ Вѣнѣ каменною болѣзнью, но послѣ удачной операціи, сдѣланной ему въ Парижѣ, въ Октябрѣ 1892 г., докторомъ Гюйономъ (Guyon), выздоровѣлъ совершенно. По этому случаю заслуживаетъ вниманія, что на телеграммѣ нашего посла въ Парижѣ о благополучномъ исходѣ операціи, покойному Государю Александру III угодно было собственноручно отмѣтить: «Слава Богу!»

Благодаря строго-регулярному образу жизни, князь, до самой кончины своей, удивлялъ всѣхъ своею живостью и моложавымъ видомъ: не смотря на его семьдесятъ лѣтъ, ему, по наружности, нельзя было дать болѣе пятидесяти, пятидесяти-пяти. Въ Петербургѣ онъ никогда не жаловался на болѣзнь сердца; между

тѣмъ корреспондентъ «Новаго Времени»[1]) разсказываетъ, что 3 (15) Октября 1895 г., проѣздомъ чрезъ Берлинъ, князь говорилъ, что у него что-то неладно съ сердцемъ, и замѣтилъ, когда разговоръ зашелъ про кончину Н. К. Гирса: «Скоро, очень скоро и я туда отправлюсь... я увѣренъ, что буду жить очень недолго, хотя лѣтъ съ пять еще хотѣлось бы поработать на пользу Россіи».

Громадность выпавшей на долю князя Лобанова работы, сознаніе великой отвѣтственности въ виду политическихъ вопросовъ первостепенной важности, какъ нарочно одинъ за другимъ возникавшихъ со времени вступленія его въ управленіе министерствомъ, и вообще кое-какія тернія, попадавшіяся на его пути, постепенно расшатали крѣпкій организмъ князя и сократили его дни.

Во время остраго періода Японскаго вопроса, князь съ 5 часовъ утра сидѣлъ уже за своимъ рабочимъ столомъ, и это не отражалось на его здоровьи, которое начало ему измѣнять лишь въ Москвѣ, гдѣ вслѣдствіе постоянныхъ празднествъ и церемоній, сопровождавшихъ коронаціонныя торжества, онъ долженъ былъ отступить отъ установленнаго имъ правильнаго образа жизни. У него стали дѣлаться при-

---

[1]) «Новое Время» 6 Сентября 1896, № 7373.

ливы крови къ головѣ. Видѣвшіе ихъ предполагали, что причину ихъ слѣдовало искать исключительно въ физической усталости отъ тогдашняго образа жизни князя и продолжительности церемоній, одновременно съ которыми ему приходилось вести крайне серьезные переговоры съ Ли-Хунгъ-Чангомъ и съ маршаломъ Ямагатой, приведенные имъ къ благополучному результату. Такъ съ Китаемъ Россіи удалось добиться соглашенія относительно постройки Манджурскихъ желѣзныхъ дорогъ въ смыслѣ удовлетворяющемъ Русскіе интересы, а съ Японіей мы договорились касательно установленія въ Кореѣ такого порядка вещей, который обезпечиваетъ независимое ни отъ кого существованіе этого королевства.

По возвращеніи изъ Москвы, князю Лобанову надо было воспользоваться хотя бы кратковременнымъ отпускомъ, который возстановилъ бы его силы; но онъ слышать не хотѣлъ объ отдыхѣ, будучи весь поглощенъ дѣлами Востока и подготовленіемъ деталей предстоявшаго путешествія Государя за границу, послѣ чего онъ собирался поѣхать въ Дрезденъ или Бреславль полечиться массажемъ отъ найденнаго у него еще ранѣе докторами склероза кровеносныхъ сосудовъ.

За послѣдніе два мѣсяца своего пребыванія въ Петербургѣ, князь сталъ страдать припадками сердечнаго удушья, 9-го же Августа ему сдѣлалось на-

столько не по себѣ, что онъ рѣшилъ пригласить доктора. За отсутствіемъ врача Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, князя Лобанова изслѣдовалъ подробно, въ теченіе цѣлаго часа, докторъ больницы Св. Маріи Магдалины, г. Педенко, нашедшій у него довольно значительное разстройство сердечной дѣятельности, при рѣзко выраженныхъ явленіяхъ декальцинаціи аорты и периферическихъ сосудовъ и при умѣренномъ кровохарканіи. Такъ какъ изъ разспроса о развитіи болѣзни ясна была зависимость ея отъ усиленной работы и частыхъ волненій, то, помимо назначенія лекарствъ, докторъ посовѣтовалъ князю полный душевный и физическій покой. Князь отвѣчалъ, что послѣднее совершенно невозможно, такъ какъ чрезъ нѣсколько дней ему необходимо ѣхать съ Государемъ за границу, и даже въ тотъ день онъ долженъ принять нѣкоторыхъ лицъ. Послѣднее обстоятельство настолько озабочивало его, что при назначеніи времени пріема лекарствъ, доктору пришлось руководствоваться не тѣмъ, когда пріемъ лекарства полезнѣе, а тѣмъ когда князь будетъ свободенъ.

Уже въ первый свой визитъ, г. Педенко не рѣшившійся, однако, сказать министру всей правды о крайней опасности его положенія, убѣждалъ его отказаться или, по крайней мѣрѣ, отложить на время поѣздку за границу и посовѣтоваться еще съ дру-

гими врачами. Но князь упорно и нѣсколько разъ отъ этого отказался.

10-го Августа, князь Лобановъ былъ, повидимому, вполнѣ здоровъ, чрезвычайно веселъ и на разспросы о вчерашней болѣзни отвѣчалъ, что все это были пустяки и что все уже совершенно прошло. На другой же день, онъ выразился издателю «Русскаго Архива», П. И. Бартеневу, гораздо уклончивѣе о своемъ здоровьѣ, замѣтивъ въ разговорѣ, что иногда здоровая внѣшность бываетъ обманчива.

За эти два дня состояніе здоровья князя улучшилось, кровохарканіе прекратилось, и онъ продолжалъ, какъ ни въ чемъ не бывало, усиленно заниматься дѣлами, хотя наканунѣ своего отъѣзда, 12-го Августа, онъ жаловался статсъ-секретарю Шишкину на плохое самочувствіе.

Утромъ, 12-го Августа, г. Педенко, изслѣдуя еще разъ князя, убѣдился что неправильности въ дѣятельности сердца остались почти въ прежнемъ видѣ и что на ногахъ появилась отечность. Тогда онъ снова настойчиво сталъ убѣждать князя во всей опасности предпринимаемаго имъ дальняго путешествія, прибавивъ: «У меня, конечно, нѣтъ власти заставить васъ не ѣхать; но я еще разъ и самымъ настоятельнымъ образомъ совѣтую вамъ отложить отъѣздъ»... На эти слова князь, послѣ короткаго раздумья, отвѣчалъ:

«Вы знаете, я не принадлежу себѣ... Завтра я долженъ ѣхать съ Государемъ и, что̀ бы ни случилось, я ѣду.»

Съ бывшими у него въ этотъ день посѣтителями князь много разговаривалъ, высказывалъ разные планы, намѣченные къ исполненію уже послѣ его возвращенія, словомъ, не имѣлъ ни малѣйшаго предчувствія о близости катастрофы и, конечно, прощавшимся съ нимъ предъ его отъѣздомъ лицамъ и въ голову не могло придти, что ангелъ смерти витаетъ уже надъ нимъ.

12-го же Августа, вечеромъ, онъ уѣхалъ въ Петергофъ, гдѣ ночью съ нимъ сдѣлался припадокъ удушья на столько сильный, что прибѣжавшій на зовъ его камердинеръ хотѣлъ тотчасъ же телеграфировать племянницамъ князя. Черезъ нѣсколько времени, князь Алексѣй Борисовичъ почувствовалъ себя лучше и строго на строго запретилъ ему разсказывать кому бы то ни было о случившемся. Послѣ этого онъ провелъ почти безсонную ночь; но такъ велика была сила воли этого человѣка, что на слѣдующее утро, въ ожиданіи отъѣзда Императорскаго поѣзда за границу, онъ на станціи желѣзной дороги казался такъ веселъ, такъ остроумно шутилъ, что всѣ присутствующіе удивлялись его цвѣтущему виду.

Въ Вѣнѣ, князь Лобановъ недомогалъ все болѣе и болѣе; съ нимъ былъ даже обморокъ во время визита у Итальянскаго посла, графа Нигры. Все это ничуть

не мѣшало князю вести весьма важные переговоры съ графомъ Голуховскимъ, въ особенности по восточнымъ дѣламъ. Отсюда онъ выѣхалъ въ царскомъ поѣздѣ въ Кіевъ.

Обыкновенно, князь вставалъ въ 7 часовъ. Утромъ, 18-го Августа, камердинеръ, видя, что и въ 9 часовъ онъ не выходитъ изъ своего отдѣленія, рѣшился войти къ нему и увидѣлъ, что онъ спокойно спитъ; зная же, что вскорѣ предстояла остановка поѣзда на одной изъ станцій близъ Ковеля, гдѣ собраны были нѣкоторыя воинскія части для представленія Государю, онъ разбудилъ его. Князь спросилъ: «Qu'est-ce qu'il y a? Quelle heure est-il?...» На отвѣтъ камердинера, что уже 9 часовъ, онъ замѣтилъ, улыбаясь: «Pas possible!... Mais comme j'ai bien dormi!» и быстро сталъ одѣваться.

Послѣ завтрака съ нимъ сдѣлалось немного дурно; но, выпивъ стаканъ воды, онъ скоро оправился и, не смотря на страшную жару, все время читалъ романъ Сенкевича «Огнемъ и мечемъ».

Въ восьмомъ часу вечера, Императорскій поѣздъ, по пути въ Кіевъ, былъ остановленъ, не доѣзжая станціи юго-западныхъ дорогъ Щепетовки (286 верстъ отъ Кіева), такъ какъ Государь пожелалъ совершить прогулку пѣшкомъ. Всѣ вышли изъ вагоновъ, въ томъ числѣ и князь; онъ и теперь имѣлъ видъ здо-

ровый и смѣющійся. Сдѣлавъ, однако, нѣсколько шаговъ, онъ почувствовалъ себя дурно и присѣлъ на траву. Съ трудомъ поднявшись, онъ уже не могъ безъ посторонней помощи войти обратно въ вагонъ: его внесли туда и положили на диванъ. Придворные служители никакъ не могли отстегнуть его галстука, придерживаемаго особаго рода булавкою. Тогда позвали его камердинера. Князь Лобановъ открылъ глаза и успѣлъ сказать ему: «ôtez moi l'épingle», что́ и было исполнено. Послѣ этого, князь вздохнулъ еще разъ пять, схватился за сердце, силился что-то сказать, но языкъ болѣе не повиновался ему... Черезъ двѣ минуты онъ былъ уже мертвъ и весь почернѣлъ. Доктора могли лишь удостовѣрить смерть отъ разрыва сердца.

Тѣло князя было перевезено въ Кіевъ. На его гробъ Ихъ Величества возложили великолѣпные вѣнки. Скорбь, выраженная Государемъ Императоромъ во время панихидъ и Высочайшее повелѣніе отмѣнить, по случаю кончины князя Лобанова-Ростовскаго, предполагавшуюся въ день въѣзда Государя въ Кіевъ иллюминацію, (о чемъ жители были оповѣщены посредствомъ публикаціи, расклеенной по всему городу), послужили драгоцѣнною данью уваженія къ памяти одного изъ вѣрнѣйшихъ царскихъ слугъ.

Внезапная кончина князя Лобанова произвела вообще потрясающее впечатлѣніе во всей Европѣ и

повсюду встрѣчена была съ чувствомъ горькаго сожалѣнія. Исключеніе составляли только Англійскія газеты. Всѣ сходились во мнѣніи о значеніи утраты не только для Россіи, но и для Европы, и въ томъ, что кончина его — событіе великой политической важности. Вся Русская и иностранная печать единодушно признавала, что Князя Лобанова не стало въ ту самую минуту, когда онъ призванъ былъ пожать плоды своихъ неусыпныхъ трудовъ и когда Россія и ея Верховный Повелитель такъ нуждались въ его просвѣщенныхъ совѣтахъ, въ его государственной мудрости, служившихъ залогомъ того, что они въ правѣ были ожидать отъ него новыхъ подвиговъ во славу отечества.

Совершенно вѣрно выразился «Journal de St. Pétersbourg»[1]: «Въ теченіе восемнадцати мѣсяцевъ, пока князь управлялъ нашей иностранною политикою, народъ слѣдилъ за его дѣятельностью, полный увѣренности за свое будущее».

[1]) 23-го Августа 1896 г.

IX.

Гробъ съ останками князя Лобанова былъ перевезенъ въ Москву, въ древній Ново-спасскій монастырь, основанный первымъ Московскимъ княземъ Даніиломъ, сыномъ Св. Александра Невскаго; тамъ находятся усыпальницы бояръ Романовыхъ, князей Лобановыхъ-Ростовскихъ, графовъ Шереметевыхъ.

Усыпальница князей Лобановыхъ-Ростовскихъ помѣщается въ Знаменской церкви: въ ней оставалась лишь одна свободная могила, — въ тѣсномъ боковомъ проходѣ, подъ низкимъ сводомъ; ее то и предназначилъ для себя, еще задолго до смерти, князь Алексѣй Борисовичъ, и въ нее было отпущено, 26-го Августа 1896 г., послѣ отпѣванія, его тѣло, нашедшее себѣ здѣсь вѣчное успокоеніе.

Болѣе чуткій, какъ всегда, Западъ гораздо ранѣе оцѣнилъ по достоинству величавую личность покой-

наго князя Лобанова, а у насъ большинство лишь теперь сознало, кого утратила Россія и какія услуги могъ еще оказать Царю и отечеству тотъ, кого уже нѣтъ болѣе.

Нельзя по этому случаю не согласиться съ справедливостью мыслей «Историческаго Вѣстника»[1]), навѣянныхъ безвременною кончиною князя Лобанова: «человѣкъ долга, труда и опыта, съ одинаково изящнымъ достоинствомъ умѣвшій носить и свое громкое имя, и свой высокій санъ, и свои блистательныя дарованія, равнодушный ко всякимъ внѣшнимъ успѣхамъ съ высоты своего тысячелѣтняго родословія, рожденный къ величію и трудолюбивый, какъ самый скромный труженикъ, съ невозмутимою ясностью уравновѣшеннаго ума всегда стоявшій въ уровень съ событіями и запросами современности, достойный представитель послѣднихъ потомковъ Рюрикова дома, спокойный и зоркій руководитель міровыхъ событій, онъ былъ живымъ воплощеніемъ идеальнаго Русскаго государственнаго дѣятеля».

Судьбѣ угодно было избавить покойнаго князя отъ одной изъ горчайшихъ мукъ — сознанія, что, подъ вліяніемъ старости, способность къ напряженной дѣятельности начинаетъ уже быть не та, что прежде.

---

[1]) Октябрь 1896, некрологъ князя А. Б. Лобанова-Ростовскаго.

Онъ угасъ въ полномъ расцвѣтѣ своихъ умственныхъ силъ, палъ разомъ, какъ могучій дубъ, поверженный грозою. Блестящимъ метеоромъ пронесся онъ надъ нашимъ Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ; но не найдется, думается, никого, кто бы искренне не пожалѣлъ этого просвѣщеннаго и истинно Русскаго вельможу, съ Русскимъ сердцемъ и душою, политика котораго была такъ широка, всеохватывающа и смѣла. Воспоминаніе же о его добротѣ, справедливости и постоянно уравновѣшенномъ характерѣ долго будетъ жить между лично знававшими его.

Въ краткомъ очеркѣ нельзя дать полную оцѣнку государственныхъ заслугъ князя Лобанова; но едва-ли ошибемся, сказавъ, что, не смотря на непродолжительность своего пребыванія во главѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, онъ сдѣлалъ такъ много, такъ освѣтилъ грядущіе пути нашей внѣшней политики, проникнутой, со времени Царя-Миротворца, истинно народнымъ духомъ, что еще долго Россія будетъ собирать плоды того, что было за это время посѣяно твердою и искусною рукою покойнаго князя.

Date Due

		DEC 04 1985	